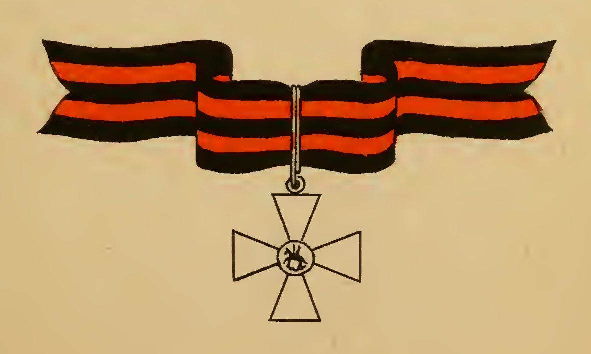
Н. Воронович.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

ИЗ БЫТА РУССКОЙ АРМИИ

Нью Йорк
1951.

Н. ВОРОНОВИЧ.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

ИЗ БЫТА РУССКОЙ АРМИИ.

ОБЛОЖКА И РИСУНКИ В ТЕКСТЕ - АВТОРА.

НЬЮ ИОРК

1951.

Ротмистръ Вороновичъ

О Т   А В Т О Р А.

Предлагаемые благосклонному вниманию читателя очерки из быта русской армии написаны не для защиты или восхваления "старого режима".

Это - моментальные фотографические снимки, запечатлевшиеся в моей памяти.

И, как бывает интересно перелистывать старый альбом с любительскими фотографиями, так иногда бывает приятно вспоминать эпизоды из давно минувшего прошлого.

На каждой фотографии есть светлые места и темные пятна. Точно также в дореволюционном быте были светлые и темные стороны. Нельзя защищать темных сторон этого быта, но почему не вспомнить то светлое и хорошее, о котором сохранились самые радостные воспоминания ?

Вот с этими хорошими сторонами быта старой русской армии мне и хочется познакомить тех читателей, которые или ничего не знают о дореволюционной жизни, или имеют о ней совершенно превратное представление.

Мне также хочется познакомить их с теми традициями, на которых воспитывались офицеры и солдаты нашей армии.

Традиции эти были неплохи, ибо, благодаря им, старые кадровые полки представляли собой крепкую и дружную семью.

Если в 1917-м году произошел быстрый и непонятный для многих развал этой когда-то крепкой армии, то не надо искать причин развала исключительно в социальных условиях быта дореволюционной России, в поражениях, постигших русское оружие в 1915-м году или в неудачном подборе высших начальников.

Причина этой трагедии более проста и объясняется тем, что в 1917-м году старая русская армия уже не существовала: она погибла в 1914-м и в 1915-м годах в Восточной Пруссии, Галиции и на Карпатах.

Вместо нее была наспех и неудачно создана новая армия, неимевшая никаких традиций.

Жалкие остатки уцелевших кадров сделали все возможное, чтобы возродить прежние традиции, но их было слишком мало и у них не оказалось для этого ни времени, ни сил.

Новое здание, возведенное на песке, не успело окрепнуть и рухнуло, похоронив под своими развалинами последних поддерживавших его могикан.

Прошло тридцать лет. В советской и зарубежной литературе появилось много произведений, изображавших нашу старую армию. Но ни один из писателей не помянул добрым словом эту армию, усеявшую своими костями равнины Польши и Восточной Пруссии, болота Полесья и вершины Карпат. На нее лишь клеветали. И даже такой писатель, как вышедший из ее рядов П.Н.Краснов, и тот не удержался от клеветы, изобразив в одном из своих романов совершенно неправдоподобную сцену избиения офицером своего деньщика.

Я прослужил 14 лет в старой русской армии и никогда не видел ни тех забитых солдат, ни того шкурничества и рукоприкладства, о которых писали люди, никогда близко с нашей армией не соприкасавшиеся. Вот почему я считаю своим долгом рассказать о том, что представляла собой эта армия в действительности.

Мои очерки не являются художественным произведением. Повторяю, что они - моментальные снимки, в которых, быть может, мало красок, но много правды.

Я и хотел рассказать в них правду о нашей армии и буду счастлив, если читатель поймет эту правду.

Н. Воронович.

Артель лесорубов в Мерсдорфе,
Рейнланд.

Декабрь 1948 года.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО.

Весной 1906 года произошел, вызвавший большое огорчение в военных кругах, инцидент в лейб - гвардии Преображенском полку. Первый баталион этого полка отказался занимать дворцовые караулы и, несмотря на уговоры своих начальников, остался в казармах. На следующий день эта солдатская "забастовка", вызванная небрежным отношением офицеров к своим обязанностям, была ликвидирована, но впечатление от нее осталось большое и вызвало много толков и пересудов.

Преображенский полк был старейшим полком русской армии. Многие члены императорской фамилии служили офицерами в этом полку и сам Государь Николай 2-й числился командиром первого баталиона преображенцев. Нарушение дисциплины в таком приближенном к Государю полку возбудило всеобщее внимание и могло вызвать нежелательные для России толки за - границей.

Поэтому великий князь Николай Николаевич, имевший большое влияние на Царя и стоявший во главе группы прогрессивных генералов, требовавших коренной реорганизации всей нашей военной системы, настаивал, чтобы было произведено строжайшее расследование причин, вызвавших "забастовку" в Преображенском полку, а виновные были-бы примерно наказаны.

Расследование выяснило, что офицеры бата - лиона относились небрежно к своим обязанностям,часто пропускали занятия и имели мало общения с солдатами. Командир полка и начальник дивизии не обращали внимания на поведение офицеров, а командир Гвардейского корпуса генерал князь Васильчиков, гусар и кавале - рист старой школы, совершенно не интересовался со - стоянием пехотных полков своего корпуса.

По приказанию Государя была произведена смена всего высшего командования гвардии. Командир корпуса генерал-адъютант князь Васильчиков, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал Озеров

и командир Преображенского полка генерал Гадон были смещены со своих постов. Первый баталион Преображенского полка был переименован в "Особый пехотный баталион" и переведен на стоянку в село Медведь новгородской губернии, а все офицеры баталиона, во главе с его командиром полковником князем Оболенским, переведены теми-же чинами в армию, что для гвардейцев являлось большим понижением.

Великий князь Николай Николаевич, вступивший в 1905-м году в командование гвардией и петербургским военным округом и заместивший на этом посту престарелого великого князя Владимира Александровича, был горячим сторонником новых методов военного воспитания и придавал большое значение опыту, вынесенному лучшими нашими офицерами из русско-японской войны.

"Забастовка" в Преображенском полку позволила новому главнокомандующему гвардией провести в жизнь реформы, которые до этого случая встречали резкие возражения со стороны приближенных к Царю и пользовавшихся большим авторитетом старых генералов. Поэтому Николай Николаевич настоял перед Государем, чтобы во главе Гвардейского корпуса, гвардейских пехотных дивизий и полков были поставлены не гвардейцы, а опытные боевые командиры. Командиром гвардейского корпуса был назначен начальник 6-й сибирской дивизии генерал Данилов, а отличившиеся на войне генералы и полковники Лечицкий, Некрасов, Яблочков и другие - начальниками гвардейских пехотных дивизий и полков.

Назначения эти очень скоро отразились на состоянии и боевой подготовке гвардии, так как новые командиры изменили укоренившиеся казарменные методы обучения солдат и передали свой боевой опыт и знания офицерскому составу.

Передав воспитание гвардейской пехоты генералу Данилову, великий князь занялся кавалерией. Появляясь неожиданно то в одном, то в другом полку, Николай Николаевич следил за строевой подготовкой, за хозяйственным состоянием частей и проверял знания и поведение офицеров, от которых требовал постоянного совершенства в военном искусстве и практического изучения специальных военных отраслей.

Офицеры, недовольные такой требовательностью и чрезмерной строгостью великого князя, сначала недолюбливали его. И только через несколько лет, когда проведенные им реформы повысили боеспособность полков и внутреннюю дисциплину, отношения эти резко из-

менились. Великий князь стал пользоваться уважением и любовью всего офицерского корпуса. Чувства эти особенно проявились при объявлении войны, когда, несмотря на оппозицию " Сухомлиновской партии", голос армии выдвинул Николая Николаевича на пост Верховного главнокомандующего.

Что же касается солдат, метко окрестивших великого князя "Всевидящим оком", то среди них он с самого начала пользовался огромной популярностью и любовью.

Великий князь Николай Николаевич страдал одним недостатком: он был страшно вспыльчив. Эта вспыльчивость часто влекла за собой не совсем справедливые замечания, выговоры и другие дисциплинарные взыскания, которым подвергались его подчиненные. Но так как недостаток этот покрывался другой характерной особенностью Николая Николаевича - сознавать допущенную несправедливость, то каждый офицер знал, что, если он чувствовал себя несправедливо наказанным, то мог в любое время обратиться по команде к великому князю. И, убедившись в своей ошибке, Николай Николаевич немедленно отменял отданное им приказание и извинялся перед обиженным офицером.

Происшедший в нашем полку случай, о котором я хочу рассказать, как нельзя лучше подтверждает эту благородную черту характера покойного великого князя.

+

+ +

В начале 1909-го года начальник нашей дивизии генерал А.А.Брусилов получил в командование 14-й армейский корпус, а на его место был назначен имевший большую протекцию при дворе генерал Безобразов.

Великий князь недолюбливал Безобразова, который, как кавалерийский начальник, во многом уступал Брусилову. Однако сам Безобразов считал себя большим знатоком кавалерийского дела и даже составил проэкт нового строевого устава, который и передал на одобрение Государю. Понятно, что Государь, в свою очередь, передал этот проэкт на рассмотрение такому специалисту, каким являлся Николай Николаевич.

Великий князь раскритиковал проэкт Безобразова и признал его совершенно неподходящим. Но,по личной просьбе Государя, он согласился, чтобы один из гвардейских полков изучил Безобразовский устав

и показал его на смотру полкового учения. Был бро - шен жребий, который и пал на наш полк.

Зная, как великий князь относится к Безобразову и его уставу, все старшие офицеры понимали,что Николай Николаевич, который будет принимать смотр, останется им недоволен и, как бы не старались офицеры и солдаты , из этого смотра ничего, кроме конфуза, не получится.

Командир нашего полка, генерал Рооп, тонкий дипломат, дороживший своей карьерой, учел это обстоятельство и внезапно заболел. Во временное командование полком вступил старший полковник Иосиф Лукич Исарлов, более двадцати лет прослуживший в полку и пользовавшийся общим нашим уважением и любовью.

Хотя Исарлов и был "кавказским человеком" и говорил с сильным грузинским акцентом, но отличал ся от своих горячих соплеменников невозмутимым спокойствием и хладнокровием. Предстоящий смотр его нисколько не смущал. Он также старательно учил полк по новому уставу, как раньше по старому.

Настал день смотра. Полк выстроился на Красносельском Военном поле и поджидал приезда "Всевидящего ока". Великий князь появился с большой свитой, состоявшей из всех командиров гвардейских полков, интересовавшихся посмотреть учение по новому уставу.

Началось ученье. Каждое построение и каждый заезд вызывали критику и замечания великого князя. Он нервничал, злился и замечания его становились все резче. Эскадронные командиры и офицеры приуныли. Один Иосиф Лукич оставался невозмутимым, спо - койно подавал команды и подбадривал офицеров.

Наконец смотр кончился. Великий князь под,ехал к полку и крикнул:

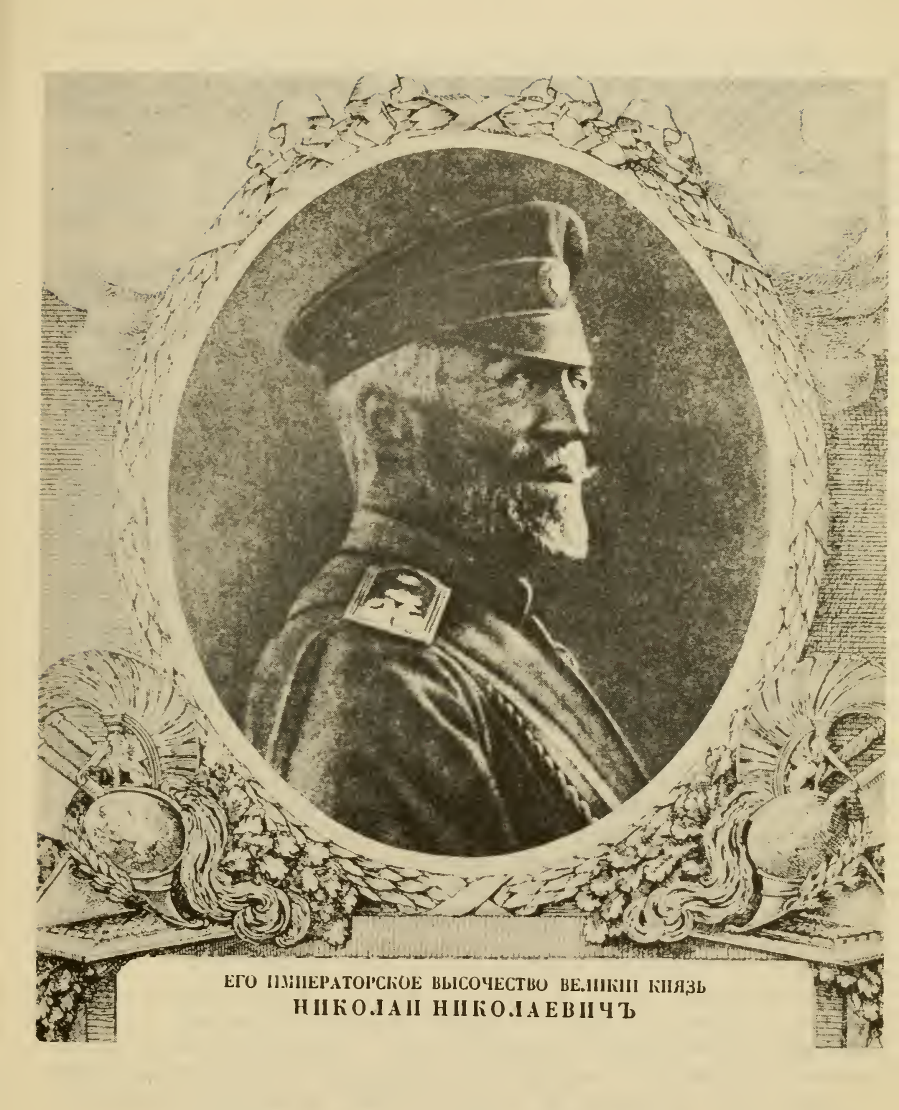
- Слава Богу я еще никогда не видел такого "безобразного" ученья ! Благодарить полк за такое "безобразие" я не могу.

Сказав это, он от,ехал к своей свите и на - правился шагом к Царскому валику.

И тут произошло нечто, никем не предвиден - ное. Полковник Исарлов пришпорил коня и вынесся галопом перед полком.

- Спасибо, молодцы, крикнул он на все Военное поле: я давно не видел такого прекрасного ученья !

Громовое "рады стараться" раздалось ему в ответ. Полк действительно учился недурно и солдаты не понимали, почему великий князь не хотел их бла-

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

годарить ?

Николай Николаевич, удивленный поступком Исарлова, остановился. Не обращая на него никакого внимания, Иосиф Лукич, вызвав песенников вперед, повел полк в лагерь.

Наш милейший "Левушка" - командир бригады генерал Жирар-де-Сукантон - не мог сдержать охвативших его чувств. Он под,ехал к Исарлову и обнял его.

Мы, молодые офицеры, были также восхищены поведением Лукича и готовы были его расцеловать. Однако мы понимали, что он совершил серьезный дисциплинарный проступок, который может повлечь за собой большие для него неприятности.

И, как-бы в подтверждение наших опасений, от свиты великого князя отделился ад,ютант, галопом направившийся к Исарлову.

Сердце мое сжалось: сейчас Лукичу будет приказано сдать полк и отправиться на гауптвахту, подумал я. Но ад,ютант, приложив руку к козырьку, передал Исарлову не приказание, а просьбу великого князя.

"Его высочество желает сегодня завтракать у вас в полку".

Исарлов и на этот раз остался верным своим убеждениям:

-Передайте великому князю, что я не могу его пригласить без согласия общества офицеров, ответил он растерявшемуся ад,ютанту, не ожидавшему такого ответа.

Положение спасли ехавшие в голове полка старшие офицеры. Они уговорили заупрямившегося Лукича созвать немедленно всех офицеров. Трубач протрубил - "сбор начальников" и, после минутного совещания, великому князю было передано, что господа офицеры просят его высочество пожаловать на завтрак в офицерское собрание.

Под звуки песен и веселых мелодий трубачей полк возвращался в свой лагерь в село Димитриево.

Мы едва успели смыть с себя красносельскую пыль и переодеться, как раздался рожок великокняжеского автомобиля. Офицеры, во главе с Иосифом Лукичем, встретили Николая Николаевича на крыльце собрания.

Завтрак не был таким оживленным, как всегда. Офицеры, обиженные великим князем, держали себя строго официально, не шутили и не смеялись. Николай Николаевич с трудом поддерживал разговор с сидевшими рядом с ним полковниками. Но, когда было подано шампанское, лед расстаял.

Великий князь встал, поднял свой бокал и обратился к нам со следующими словами:

- Сознаюсь, что я сегодня был несправедлив. Полк учился прекрасно. Он не виноват, что устав, по которому его учили, никуда не годится. Прошу вас, господа, извинить меня. Пью за славный полк, за его лихого командующего, полковника Исарлова, и за ваше здоровье, господа офицеры !

Громкое ура покрыло эти слова. Настроение поднялось, все почувствовали себя удовлетворенными, обида была забыта.

Долго еще сидел за столом великий князь, окруженый на этот раз не только старшими, но и младшими офицерами, ведя с ними оживленную беседу.

Проводив главнокомандующего, эскадронные командиры и младшие офицеры разошлись по своим эскадронам, где началось веселье. Появились песенники, трубачи, водка и пиво. Кашевары спешно готовили ранний ужин. Наступил вечер, а за ним белая петербургская ночь.

Все село оглашалось веселыми песнями и музыкой. Весь полк, начиная со старшего полковника Иосифа Лукича Исарлова и кончая последним молодым солдатом, участвовал в традиционном "гулянии". Ибо одной из традиций полка было, что офицеры не могут веселиться без своих солдат.

Вскоре после второго ужина, когда песенники начали уже уставать, а глаза молодых солдат слипаться, звуки тревоги огласили лагерь.

В одно мгновенье лошади были поседланы и полк полевым галопом понесся на Военное поле.

Красное Село спало мертвым сном, но близь "Царского валика" на красивом сером коне, с хронометром в руках, поджидал прибытие полка великий князь Николай Николаевич.

Полк построился фронтом к Царскому валику. Кони тяжело дышали.

Трубач великого князя протрубил сигнал "коноводы" /благодарность/: Николай Николаевич благодарил полк за быстрый сбор по тревоге.

После этого началось полковое ученье. Такого ученья Военное поле еще никогда не видывало. Все заезды и построения проводились только на полевом галопе. И после каждого построения снова раздавался сигнал "коноводы", в ответ на который громовое "рады стараться" оглашало Военное поле.

Через десять минут ученье было закончено.

Великий князь под,ехал к фронту полка:

- Я давно не видел такого лихого ученья ! Спасибо, молодцы. Благодарю вас, господа офицеры ! Песенники вперед, справа по-взводно !

И, став во главе полка, Николай Николаевич сам повел его с Военного поля.

В Красном Селе, во дворе дачи великого князя были накрыты длинные столы для солдат, а в самой даче - стол для офицеров. Главнокомандующий приветствовал весь полк ранним завтраком. В саду играли трубачи лейб Гусарского полка. Прерванное тревогой "гуляние" возобновилось.

На следующий день в приказе по округу была об,явлена полку особая благодарность главнокомандующего. А ещё через три дня мы узнали из "Русского Инвалида", что наш Иосиф Лукич получил давно ожидаемое им повышение: он был назначен командиром Астраханского драгунского полка, шефом которого был великий князь Николай Николаевич.

-++++++++++-

ПРАЗДНИК ХРАБРЫХ.

Исполнилось 180 лет со дня учреждения императрицей Екатериной 2-й ордена св. Великомученика и победоносца Георгия. Орден этот был учрежден для награждения за военные заслуги генералов, штаб и обер офицеров. Император Александр Первый указал награждать "Знаком отличия Военного ордена" /солдатским Георгием / также и нижних чинов, отличившихся "перед лицем неприятеля".

С тех пор как для офицеров, так и для солдат русской армии георгиевский крест являлся высшим боевым отличием и заслужить белый крестик на черно-оранжевой ленточке было заветной мечтой каждого военного.

Но заслужить Георгия было не так легко. Существовал особый "статут", точно предусматривавший за какие подвиги могут быть награждаемы офицеры - орденом св.Георгия, а нижние чины - Знаком отличия Военного ордена.

Как орден св.Георгия, так и знак отличия имели четыре степени.

Первую степень ордена могли получить только главнокомандующие армиями за выигранную кампанию. Так Кутузов был награжден Георгием 1-й степ. "за поражение и изгнание из пределов России двунадесяти языков". Второй степенью ордена награждались генералы за взятие неприятельских крепостей или за уничтожение армии противника. Третьей и четвертой степенями - генералы и офицеры, проявившие особую личную храбрость: за атаку в конном строю нерасстроенного противника, за взятие с боя неприятельских орудий, знамен и штандартсв.

Знак отличия Военного ордена мог получить солдат, первый ворвавшийся в неприятельское укрепление, вызвавшийся охотником на "опасное и полезное предприятие" и с успехом исполнивший онное, раненый и до конца боя оставшийся в строю, захвативший в плен неприятельского генерала, знамя или орудие.

Для суждения о том, достоин-ли тот или другой офицер быть награжденным орденом св.Георгия, созыва-

лась особая "Георгиевская дума", состоявшая из георгиевских кавалеров. И только после решения этой "думы" император награждал удостоенных этим высоким отличием.

Поэтому георгиевских кавалеров было немного и все они пользовались не только почетом, но и разными привиллегиями: пенсией, старшинством, правом ношения мундира в отставке.

Особо отличившиеся на войне полки и батареи награждались георгиевскими знаменами /в пехоте/,штандартами /в кавалерии/ и трубами /в кавалерии и артиллерии/.

Ежегодно в день учреждения ордена св.Георгия /26-го ноября/ во всей русской армии торжественно справлялся "георгиевский праздник", на который приглашались все находившиеся на действительной службе и отставные георгиевские кавалеры, как офицеры, так и солдаты. Во всех гарнизонах происходили парады, которыми командовали и которые принимали георгиевские кавалеры. В Петербурге парад этот происходил в Зимнем дворце, в присутствии царя, и отличался особой торжественностью. Заканчивался он обедом, которым государь чествовал офицеров и солдат - георгиевских кавалеров.

Ни в одной иностранной армии не было подобных праздников. За границей все военные торжества являются строго официальными церемониями. Наши-же георгиевские праздники были не только военными, но и народными торжествами и, несмотря на их парадную сторону, отличались своим народным характером и истинно демократической простотой.

Шесть лет подряд я участвовал в Петербурге на георгиевских праздниках и мне хочется поделиться с читателями воспоминаниями об этом военно-народном торжестве, отошедшем теперь в область преданий.

\+

\+ \+

За отличие в русско-японской войне я был награжден Знаком отличия Военного ордена. Через два года после этой войны, закончив специальное военное образование, я был произведен в офицеры гвардии. В первый же год моей офицерской службы, за несколько дней до 26-го ноября, я получил от министерства императорского двора приглашение явиться в этот день в Зимний дворец для участия в георгиевском празднике.

Хотя день 26-го ноября считалоя только военным праздником, но во всем Петербурге наблюдалось праздничное настроение. Толпы принаряженых людей прогуливались по Невскому и собирались на Дворцовой площади, на которую со всех концов столицы направлялись с развернутыми знаменами и музыкой знаменные роты гвардейских полков. При приближении знамен все головы обнажались и многие в толпе осеняли себя крест - ным знамением.

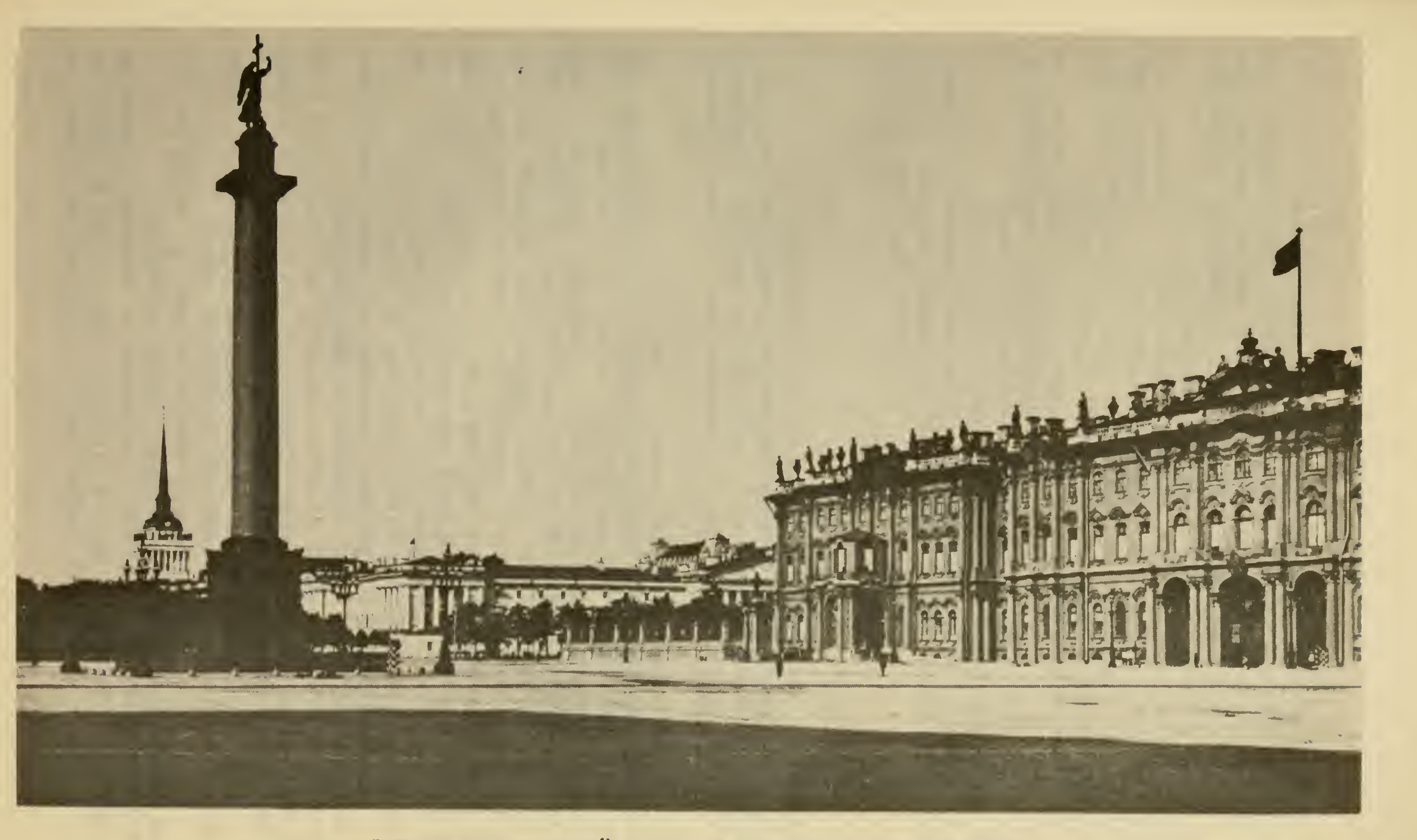
Прибыв в 9 часов утра в Зимний дворец, я был проведен в "Историческую галлерею 1812 года, в которой собирались генералы и офицеры, кавалеры ордена св.Георгия, знака отличия Военного ордена и "золотого" /георгиевского/ оружия. Всего нас собралось около 200 человек, построившихся по старшинству чинов. Первыми стояли старые генералы - участники Севастопольской обороны, левее их - герои русско-турецкой войны 1877-78 г.г., а за ними - кавалеры последней, русско-японской войны.

В соседнем Георгиевском зале выстраивались знаменные взводы гвардейских полков и приехавшие со всех концов России отставные нижние чины - кавалеры знака отличия Военного ордена.

Парадом командовал великий князь Николай Николаевич, георгиевский кавалер русско-турецкой войны. Великий князь отличался огромным ростом и считался одним из самых высоких офицеров русской армии. При этом он был в парадной форме л.гв.Павловского полка и имел на голове историческую "гренадерку" высотой в 45 сантиметров, которая еще больше увеличи - вала его богатырский рост. Присутствовавшие на параде представители дипломатического корпуса и иностранные военные агенты с уважением и удивлением посматривали на этого великана.

В 10 часов состоялся высочайший выход. Госу - дарь, сопровождаемый свитой и предшествуемый гофмаршалом и церемониймейстрами, вышел из Малахитовой гостинной и начал обходить георгиевских кавалеров, по - давая каждому руку и справляясь о здоровье старых ветеранов. Когда государь закончил обход, мы построились по два в ряд, начиная с младших. Музыка заиграла преображенский марш, под звуки которого мы двинулись в Георгиевский зал.

При появлении георгиевских кавалеров разда - лась громкая команда великого князя Николая Николаевича "слушай на-краул" и находившиеся в зале войска отдали нам честь.

С.ПЕТЕРБУРГ. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ и АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА.

За георгиевскими кавалерами шел Государь , проследовавший к приготовленному аналою. Из дворцовой церкви вышло духовенство, к аналою вынесли георгиевские знамена и штандарты. Начался молебен.

По окроплении знамен святой водой, роты перестроились к церемониальному маршу. Государь скромно отошел в сторону, выдвинув на первое место старейшего георгиевского кавалера - генерала Рерберга.

После парада Государь обошел нижних чинов - георгиевских кавалеров, поздравил их с праздником и поблагодарил за службу.

Этим закончилась первая часть торжества.

Генералы и офицеры получили приглашение явиться к 7 часам вечера в Зимний дворец на парадный обед, а нижние чины - к часу дня в Народный дом Императора Николая 2-го.

\+ + +

Огромный зал Народного дома был заставлен длинными столами. На белоснежных скатертях стояли тарелки, кружки и стаканы с изображениями государственного герба, георгиевского креста и вензелем императора.

К часу дня в зале собралось до 2000 георгиевских кавалеров. Среди них были седобородые дворцовые гренадеры в своих исторических кафтанах и медвежьих шапках, ветераны русско-турецкой войны в сюртуках Измайловской богадельни и съехавшиеся со всех концов России отставные нижние чины. Очень немногие из них были в военной форме, большинство - в пиджаках и поддевках. У каждого на груди сверкали золотые и серебряные георгиевские кресты и медали в память тех войн, в которых они участвовали.

Ровно в час дня появился Государь, сопровождаемый великим князем Николаем Николаевичем.

Встреченый громовым "ура", Государь подошел к одному из столов. Он еще раз поздравил кавалеров с праздником и, подняв чарку водки, выпил за их здоровье. Великий князь Николай Николаевич, от имени всех кавалеров, поднял чарку за государя.

Затем Государь пригласил кавалеров садиться за столы и отведать его хлеба-соли.

Начался обед, состоявший из кулебяки, щей, отбивных котлет и сладкого пирога. Гостей обносили водкой, а на столах стояли жбаны с квасом и бутылки с удельным красным вином, пивом и медом.

Государь обходил своих гостей, разговаривал с ними и, наконец, еще раз поблагодарив кавалеров за службу, простился с ними и отбыл во дворец.

По окончании обеда каждый кавалер, по издавна установившемуся обычаю, завязывал в салфетку свой прибор /тарелку, стакан и кружку/, унося его домой на память о царском обеде.

Толпа народа, собравшаяся у Народного дома, радостно приветствовала выходивших с обеда героев, угощая их папиросами. На заказанных гофмаршальской частью тройках и извозчиках кавалеров развозили по императорским театрам, где самые знаменитые артисты наслаждали их своей игрой и пением.

В седьмом часу начался съезд приглашенных в Зимний дворец генералов и офицеров.

Двухсветный зал сиял отражавшимися в зеркалах люстрами. Он был уставлен круглыми столами, накрытыми на шесть персон. Перед каждым прибором лежали карточка с чином и фамилией приглашенного и художественно исполненное меню обеда.

В семь часов вошел Государь, занявший место за одним из столов, за которым уселись пять старейших георгиевских кавалеров.

Когда к концу обеда по бокалам было разлито шампанское, Государь встал и провозгласил тост за георгиевских кавалеров. Ему ответил старейший кавалер генерал Рерберг, поднявший бокал за здоровье Государя.

Долго еще сидели за кофе и ликерами кавалеры, ведя между собой оживленную беседу. Вопреки этикету, требовавшему, чтобы царь тотчас-же после дессерта удалился во внутренние покои, Государь, порядочно утомившийся за этот день и с утра неснимавший парадной формы, терпеливо сидел среди своих гостей, не обращая внимания на подходивших к нему с напоминаниями придворных. И только, когда сидевшие за его столом старички начали клевать носами, Государь встал и общим поклоном распрощался с гостями.

На следующий год я на этом обеде сидел за столом Государя, хотя и был самым молодым кавалером. Произошло это благодаря следующему забавному случаю:

Во время описанного выше обеда один из сидевших за царским столом генералов задремал. Внезапно проснувшись и вспомнив, где он находится, старик генерал подбодрился, взглянул на своего соседа и удивился, увидев, что рядом с ним сидит полковник,

не имевший на груди георгиевского креста.

Насупив брови он грозно спросил Государя:

- Скажите, полковник, на каком основании вы здесь присутствуете ?

Государь улыбнулся и скромно ответил:

- Виноват, ваше высокопревосходительство, но меня тоже пригласили.

- Ну, если вас пригласили, то можете оставаться, милостиво разрешил старый ветеран и снова заснул.

Понятно, что Государь скучал в обществе чопорных стариков, большую часть обеда боровшихся со сном и часто клевавших носами. Поэтому было решено, что на будущих обедах старейшие георгиевские кавалеры будут председательствовать за другими столами, а к столу Государя - приглашаться по очереди молодые кавалеры.

Таким образом и я удостоился чести сидеть один раз за царским столом.

Во время этого обеда Государь оживленно разговаривал с нами, молодыми офицерами, расспрашивая нас о наших переживаниях и интересуясь нашими впечатлениями о последней войне.

Прошло уже 36 лет со времени последнего георгиевского праздника и обеда в Зимнем дворце, на которых я участвовал. Но и сейчас, через тридцать шесть лет, я припоминаю все подробности этих замечательных праздников, на которых русская армия и ее Верховный Вождь чествовали своих героев и заслуженных ветеранов.

-++++++++++-

ФАЛЬШИВЫЙ КАШЕВАР.

Наши командиры всегда заботились о солдатском желудке. Все начальники, начиная с главнокомандующего округом и кончая ротными и эскадронными командирами, следили за тем, чтобы "солдатский котел" был обильным, вкусным и здоровым, а эскадронные кухни и столовые содержались в идеальной чистоте.

Командиры эскадронов и начальники команд ежедневно заглядывали на кухни и пробовали солдатский обед. Начальник дивизии и командир корпуса при каждом посещении полка осматривали кухни, столовые и кладовые и требовали "пробную порцию", а великий князь Николай Николаевич, командовавший войсками Петербургского округа, строго взыскивал с командиров и вахмистров, если замечал, что солдатский обед плохо приготовлен, а мясные порции маловесны.

Когда я был назначен начальником штабной и нестроевой команды, то, следуя примеру старших товарищей, с увлечением занялся благоустройством моей команды, обратив особое внимание на кухню и столовую.

Мой вахмистр, Семен Иванович Задорожный, скептически относившийся к картинкам и занавескам, которыми я украшал казарму, вполне сочувствовал моим заботам о кухне. В результате - наши кухня и столовая блистали чистотой, кашевары щеголяли в белоснежных куртках, а обед был всегда вкусным и обильным. Мне никогда не приходилось делать замечаний артельщику и кашеварам, а посещавшее команду начальство оставалось всегда довольным, как пробной порцией, так и чистотой помещений.

Поэтому я был несказанно удивлен, когда узнал однажды, что великий князь Николай Николаевич, внезапно приехавший в полк, нашел непорядки на кухне моей команды.

Вот как это случилось:

Приехав в полк, великий князь, не заходя в полковую канцелярию, направился прямо к казарме нестроевой команды, находившейся в глубине полкового двора.

Командир полка - генерал Рооп - поспешил к

нему на встречу. Великий князь был в хорошем настроении. Приняв рапорт полкового командира и дежурного офицера, он остановился на середине двора и начал что то рассказывать генералу Роопу.

В это время из казармы, с грязным ведром в руках, вышел истопник полковых мастерских флегматичный кочегар Омельченко. Его кожаный фартук, лицо и руки были вымазаны сажей, рейтузы лоснились от машинного масла, а гимнастерка почернела от угольной пыли .

Николай Николаевич с удивлением взглянул на чумазого солдата и спросил его :

-Ты - кашевар ?

-Так тошно, кашехар, ваше императорское высочество, отвечал Омельченко, смягчая, как все украинцы, "че" на "ша", а "ге" на "ха".

Великий князь нахмурился.

-Полюбуйтесь, ваше превосходительство, на вашего кашевара, сказал он растерявшемуся командиру. Воображаю, что делается на кухне у такого кашевара. Об,являю вам выговор, а начальника команды и вахмистра приказываю арестовать на трое суток.

Не заходя в казармы и не попрощавшись с командиром, великий князь направился к своему автомобилю и уехал.

Генерал Рооп, бывший конно-гвардеец и офицер генерального штаба, являлся типичным "моментом" /так называли мы карьеристов/. Он дрожал за свою карьеру и боялся не только выговоров, но даже простых замечаний начальства. Поэтому полученый от великого князя выговор являлся для него настоящей катастрофой. Он был вне себя от гнева и приказал полковому ад,ютанту немедленно вызвать меня в полковую канцелярию.

А я тем временем, не подозревая о "налете" главнокомандующего, обходил производившиеся в казармах ремонты, полковую хлебопекарню и дровяной двор. Получив через вестового приказ явиться в канцелярию, я совершенно спокойно направился в кабинет полкового ад,ютанта.

Наш милейший ад,ютант, Александр Павлович Лайминг, встретил меня с улыбкой и погрозил пальцем:

- Рооп рвет и мечет. Он, как тигр в клетке, бегает по своему кабинету и тебе предстоит с ним очень неприятный разговор.

- В чем дело ? За что разгневались на меня олимпийцы ?

- Великий князь только что встретил твоего кашевара в грязном фартуке. Он страшно рассердился, об,-

явил выговор Роопу, а тебя и Задорожного приказал арестовать на трое суток.

Я остолбенел. Всего лишь час тому назад я был в команде и видел кашеваров, одетых, как всегда, в чистые фартуки и куртки.

Я сейчас-же направился на кухню, где меня ожидал взволнованный Семен Иванович.

- Кого из вас видел великий князь ? - спросил я кашеваров, спокойно резавших мясо на порции.

Оба кашевара ответили, что великого князя не видели и с ним не говорили.

- Ваше высокоблагородие, обратился ко мне Задорожный: какая то нечистая сила обернулась в кашевара и говорила с великим князем. Нужно собрать всех людей и обнаружить этого "фальшивого кашевара".

Через несколько минут вся команда была собрана и построена в зале.

- С кем из вас говорил сегодня великий князь ? спросил я солдат.

Из фронта выступил чумазый Омельченко.

- Так што это я разговаривал с великим князем.

- Как же ты с ним разговаривал ?

- А очинно просто. Выхожу я из кошехарки за виглем. Бачу - идуть по двору великий князь. Я стал во хрунт, а воны мине зразу пизнали: ты, кажуть, кошехар ? Так тошно, отвичаю. Воны подивилися на меня, покрутили головой тай отпустили. Я повернувься тай побиг за виглем.

Теперь я все понял. Нужно было выручать и себя и Семена Ивановича. Я отправился к командиру.

- Покорнейше вас благодарю, встретил меня генерал: первый раз за всю свою службу я, благодаря вам, получил выговор. Передайте вашу саблю полковому ад,-ютанту, который отвезет вас на гауптвахту, а Задорожного смените и отправьте под арест.

- Ваше превосходительство, произошло недоразумение, разрешите вам об,яснить ?

- Никаких об,яснений,отправляйтесь на гауптвахту.

- Если вам неугодно выслушать мои об,яснения, я вынужден буду подать рапорт по команде.

Рооп не любил, когда его офицеры обращались "по команде", т.е. к высшему начальству. Поэтому он смилостивился и разрешил мне об,ясниться.

- Это совершенно меняет все дело, сказал он с видимым облегчением, выслушав меня. Но я не могу отменить приказания великого князя. Что-же нам делать?

Позванные на совет "ближние бояре" / так назы-

С.ПЕТЕРБУРГ. АРКА ГЛАВНОГО ШТАБА НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ.

вали мы наших полковников/ посоветовали мне обратиться "по команде" к самому великому князю. Для этого нужно было сначала обратиться к начальнику дивизии и командиру корпуса и, получив их разрешение, явиться в штаб округа для личного об,яснения с главнокомандующим.

В тот-же день я был у начальника дивизии генерала Безобразова и у командира корпуса генерала Данилова.

Генерал Данилов, которого и офицеры и солдаты называли за-глаза "дедом", смеялся до слез и заставил меня несколько раз повторить рассказ о "фальшивом кашеваре".

Я получил разрешение явиться к великому князю и на следующее утро сидел, ожидая очереди, в приемной штаба округа.

Мне пришлось долго ждать, так-как несколько генералов являлись в этот день по делам службы к главнокомандующему. Наконец, около 12 часов я был вызван в кабинет великого князя.

Николай Николаевич встретил меня с улыбкой.

- Ну, расскажите мне, как я вашего кочегара произвел в кашевары ? Владимир Николаевич / генерал Данилов / рассмешил меня вчера вечером этим анекдотом. Признаюсь, что я вчера немного погорячился. Но больше меня виноват ваш командир: неужели генерал Рооп не знал, что у вас в команде есть кочегарка, а при ней кочегар ? Конечно я уже отменил наложенные на вас и на вашего вахмистра взыскания и они не будут об,явлены в приказе. А теперь - едем завтракать и за завтраком вы расскажете великой княгине / Анастасии Николаевне, супруге Николая Николаевича / страшную повесть о "фальшивом кашеваре".

И так-как прием был закончен и наступил час завтрака, то Николай Николаевич посадил меня в свой автомобиль и повез во дворец, где я должен был для великой княгини Анастасии Николаевны еще раз повторить анекдот о кочегаре, которого великий князь превратил в кашевара.

-++++++++++-

СТАРИКИ.

В каждом гвардейском полку, кроме неодушевленных реликвий - знамен, штандартов и георгиевских труб , напоминавших офицерам и солдатам славное боевое прошлое их полков, имелись также и живые реликвии - сверхсрочные подпрапорщики, по тридцать и более лет прослужившие в полку, бывшие свидетелями разных исторических событий и ревностно охранявшие старые полковые обычаи.

В нашем полку таких "живых реликвий" было 6 человек: вахмистр 6-го эскадрона Кирилл Яковлевич Масленников, вахмистр 1-го эскадрона Степан Иванович Гейченко, казначейский каптенармус Иван Алексеевич Синегубкин, обозный унтер-офицер Максим Дмитриевич Масягин, закройщик Пигаревский и полковой кузнец Ковалевский.

Каждый из них прослужил на сверхсрочной службе не менее 25 лет, а Масленников и Синегубкин более 30 лет. Все они участвовали в русско-турецкой войне 1877 - 78 г.г., имели георгиевские кресты, многочисленные медали и иностранные ордена. Командир полка и все офицеры называли их по имени и отчеству и даже сам Государь, здороваясь на парадах с Масленниковым и Гейченко, называл их Кириллом Яковлевичем и Степаном Ивановичем.

У каждого из этих стариков были традиционные обязанности, которые они исполняли в торжественных случаях. Синегубкин и Масленников в дни полковых праздников подносили Государю первый "пробную порцию", а второй - серебрянную чарку с водкой, а Гейченко управлял полковыми песенниками, когда они пели перед Царем, или другими высокими гостями.

К молодым офицерам старики относились со снисходительным пренебрежением и, хотя оказывали им положенное по уставу почтение, но абсолютно с ними не считались. А Масленников считал даже своего эскадронного командира, прослужившего 15 лет в полку ротмистра, мальчишкой, ибо ротмистр, отец которого в свое время также командовал 6-м эскадроном, родился,когда Кирилл Яковлевич уже носил два шеврона /серебрянные

углы на левом рукаве/ за сверхсрочную службу. К другим сверхсрочным вахмистрам они относились с еще большим пренебрежением, в редких случаях снисходили принимать их в свое аристократическое общество и считали их неучами, так-как по убеждению стариков - после турецкой войны солдат ничему путному не учили.

В строевое обучение солдат старики не вмешивались. Они занимались преимущественно хозяйственными делами и имели большой опыт в разных отраслях полкового хозяйства.

С ведома начальства старики пользовались некоторыми доходами из той экономии, которую без них полк никогда-бы не имел. А два раза в год, перед рождеством и пасхой,все полковые поставщики, по уста - новившемуся издавна обычаю, должны были бить челом этой полковой аристократии и подносить ей подарки, вино и дорогие закуски.

Прослужив на сверхсрочной службе более 25 лет, все они были богатыми людьми и владели в Петергофе хорошими домами, которые выгодно сдавали в аренду на время дачного сезона.

На третьем году моей службы я был назначен полковым квартермистром, т.е. заведывающим всеми полковыми мастерскими, ремонтом казарм и начальником нестроевой команды. Должность эта, очень сложная и ответственная, совсем не подходила для молодого офицера, но, по желанию великого князя Николая Николаевича, все строевые офицеры должны были по очереди исполнять одну из хозяйственных должностей, чтобы изучить на практике полковое хозяйство. Благодаря этому назначению, все старики, за исключением Масленникова и Гейченко, оказались моими подчиненными и мне стоило больших трудов приучить их считаться с моими распоряжениями.

Самой неприятной моей обязанностью было разбирать возникавшие между ними ссоры и недоразумения.

Обычно по большим праздникам ко мне на квартиру являлся самый обидчивый из них - Синегубкин - и просил " явить Божескую милость и посадить под арест "сопляка Максимку"/так называл он 65-ти летнего Масягина./ В свою очередь "Максимка" являлся с жалобами на "пьяницу Ваньку" или на "ворюгу Мишку", а "Мишка" на "лодыря Степку". Так как от междоусобий Синегубкина с Масягиным или Пигаревского с Ковалевским более всех страдал я, ибо эти междоусобия нарушали работу полковых учреждений, то мне приходилось мирить стариков. Для этого я прибегал к помощи Сте-

пана Ивановича Гейченко и его знаменитой перцовки и должен был принимать участие в примирительной трапезе, после которой целый день ходил с головной болью.

Старики были не только самолюбивы, но и обидчивы. Старшие офицеры должны были обязательно присутствовать на их именинах и других семейных торжествах. Не дай Бог, если кто нибудь из них не мог посетить Кирилла Яковлевича или Степана Ивановича в день их Ангела. Такой невежа становился на целый год злейшим врагом обиженного именинника.

Помню, как я был удивлен, когда в первый раз оказался гостем Синегубкина в день его именин.

Эти именины он справлял на своей даче. Именинный стол ломился от вин и закусок. Но больше всего меня удивило, когда Иван Алексеевич представил мне своих сыновей и зятя. Старший сын и зять оказались офицерами одного из пехотных полков, а младший сын - инженером путей сообщений.

К чести наших стариков нужно сказать, что,являясь в день своих именин богатыми дачевладельцами, в прочее время они ревностно исполняли свои обязанности и целые дни проводили в казармах среди солдат, на которых часто ворчали, но о которых всегда заботились. Они требовали от солдат уважения не к своему богатству, а к годам своей службы и полученным за эту службу отличиям.

И солдаты любили своих стариков, хотя за глаза часто подсмеивались над ними. Они знали, что Степан Иванович, отечески пожурив набедокурившего молодого солдата, заступится за него перед эскадронным командиром, а также одолжит или подарит ему 5 рублей, чтобы послать в деревню отцу, у которого пала корова.

Но хитрая молодежь знала, что старики любят почет и что каждый, кто оказывает им такой почет, может расчитывать на их заступничество. Поэтому каждый новобранец знал, в каком сражении заслужил Масленников свой георгиевский крест, а при появлении в казарме Масягина - все они вскакивали и вытягивались в струнку, как перед командиром полка.

Я расстался со своими стариками в июле 1914 года и с тех пор никого из них, кроме Гейченко, не видел. Все они были настолько преклонного возраста, что не могли выступить в поход. Один Гейченко, не пожелал оставить должности вахмистра, отправился со своим эскадроном на войну, участвовал во многих сражениях и погиб смертью храбрых, не дожив до октября 1917 года, что явилось для него большим счастьем.

И в западно европейских армиях были такие-же Синегубкины и Масягины. Но эти иностранные Сине - губкины, выдвинувшиеся на хозяйственно- администра - тивные должности из фельдфебелей, имели офицерские чины, что давало им право гнушаться солдатской среды. Наши-же сверхсрочные подпрапорщики никогда не забывали, что являются нижними чинами, не чуждались солдат, не позволяли себе никаких фамильярностей с офицерами и были для солдат образцом дисциплинированности. Они понимали, как следует себя вести на службе и что они могут себе позволить вне службы.

Стараясь дать своим детям среднее и даже высшее образование и сделать из них интеллигентных людей, сами они на всю жизнь оставались простыми, вышедшими из крестьянской среды, солдатами и не претендовали ни на чины, ни на высшие должности.

Иностранные Синегубкины часто обогащались за счет казенного добра, наши же старики казнокрадами не были. И, если они пользовались некоторыми не - значительными доходами, то только с той хозяйственной экономии, которую полк имел, благодаря их опытности и преданности интересам полка. И пользовались они этими доходами открыто и с ведома начальства.

Масленниковы и Синегубкины были тем фунда - ментом, на котором прочно стояли кадровые полки ста - рой русской армии. Они являлись живыми свидетелями славного прошлого своих полков, с которыми были свя - заны на всю жизнь. И вышедший из среды таких сверх - срочных унтер-офицеров нынешний советский маршал Буденный /вахмистр Северского драгунского полка/ является, пожалуй, единственным из них, с легким серд - цем пережившим гибель своего родного полка.

-+++++++++++-

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИК.

Каждый полковой праздник являлся событием в жизни полка. Ни к какому другому празднику не готовились так, как к полковому.

Ведь полковой праздник был связан с посещением полка Царем, который в этот день был гостем полка. Кроме того, весь полк, начиная со старшего полковника и кончая последним новобранцем, составлял одну большую и дружную семью, все члены которой в день полкового праздника являлись именинниками, и каждому хотелось, чтобы этот день прошел особенно удачно, торжественно и весело.

Еще задолго до праздника начинались совещания командира полка со старшими офицерами. Обсуждались все мелочи церемонии парада, меню обеда в офицерском собрании и программа увеселений офицеров и солдат.

Эскадронные командиры с вахмистрами производили выводку лошадей, осматривая их ноги, гривы и хвосты и отбирали красивейших коней для фланговых и "замковых" унтер офицеров.

Капельмейстер Риотто, итальянец, так и ненаучившийся, несмотря на 25-ти летнюю службу, правильно говорить по русски, с утра до вечера репетировал трубачей.

- Трамбон, вриешь, кричал он, постукивая по пульту дирижерской палочкой и обрывая на полу-такте начатый марш: Сапчинский, аллэ соло уф перед ! Букирефф, командсэ обратно !

Непосвященному было-бы трудно понять, что означают эти выражения, но трубачи их прекрасно понимали и через некоторое время стройная мелодия снова оглашала полковой двор.

Не менее других хлопотали старший полковник и хозяин собрания. Надо было обсудить с буфетчиком,

какие горячие и холодные закуски сервировать к обеду, первому и второму ужину, проверить состояние погреба, вычистить запасное столовое серебро, сговориться с румынским оркестром Гулеско и Новодеревенскими цыганами, которые должны были увеселять гостей между обедом и ужином.

В эскадронах заготовлялись перцовка и другие настойки, а также пиво, которое целыми ящиками свозилось в эскадронные цейхгаузы. Кашеварам было приказано, кроме положеных обеда и ужина, приготовить обильный второй ужин.

Накануне праздника на "Заднем плацу" была произведена репетиция парада, на которой еще раз были осмотрены конский состав и обмундирование. Так - как все оказалось в порядке и эскадроны без всякой заминки стройно прошли перед командиром полка рысью и полевым галопом, то репетиция скоро закончилась, эскадроны вернулись домой и наступило предпраздничное затишье. Все приготовления были закончены и полк отдыхал.

Вечером весь полк собрался в старой полковой Знаменской церкви /построенной в 1741-м году/ на торжественную всенощную. Старые однополчане, заслуженные генералы и проживающие в Петергофе отставные солдаты - ветераны русско-турецкой войны, сошлись в полковую церковь помолиться в родной семье. Великий князь Димитрий Константинович, девять лет прокомандовавший полком, также присутствовал на богослужении и скромном ужине, состоявшемся после всенощной.

Наступил день праздника.

С раннего утра под наблюдением вахмистров происходил тщательный туалет лошадей. Каптенармусы выдавали людям парадное обмундирование.

В 9 часов утра эскадроны начали выстраиваться на Полковой улице. Сытые кони грызли удила и играли под всадниками. Трубачи заиграли "под штандарты" и полковой ад,ютант подвез к 4-му эскадрону геогиевский штандарт. Под звуки полкового марша под,ехал командир полка, поздравивший каждый эскадрон с праздником. Скомандовав "слева по три", он повел полк на Задний плац.

Весеннее солнце заливало плац своими ласковыми лучами, отражавшимися на серебряных трубах полковых трубачей. Толпы празднично разодетых людей, пе - тергофских обывателей и петербургских дачников, стояли вокруг плаца. В центре его была разбита украшенная зеленью и цветами "царская палатка", у которой

стояли на часах два бравых конвойца в красных черкесках.

Начался с,езд начальства.

Первым под,ехал и поздравил полк с праздником бывший однополчанин - начальник дивизии генерал Брусилов. Вслед за ним на сибирском маштачке с нагайкой в руке подскакал командир корпуса генерал Данилов. И, наконец , появилась эфектная фигура главнокомандующего гвардией великого князя Николая Николаевича.

Каждый из начальников об,езжал фронт полка, здоровался с эскадронами и поздравлял их с праздником.

Около 10 часов раздались издали, все громче и громче нароставшие крики "ура": собравшиеся посмотреть на красивое зрелище парада обыватели приветствовали автомобиль государя.

Царский автомобиль бесшумно подкатил к палатке. Государь сел на подведенного ему коня, а приехавшие с ним государыня и великие княжны прошли в палатку.

Раздалась команда: "смирно, шашки вон, пики в ру-ку, господа офицеры".

Трубачи заиграли полковой марш.

Государь шагом под,ехал к первому эскадрону. С видимым удовольствием оглядел он стройные ряды статных, красивых всадников и выхоленых, блестевших на солнце вороных коней, поздоровался и поздравил эскадрон с полковым праздником. Громкое "ура" раздалось в ответ государю. Трубачи оборвали полковой марш и заиграли народный гимн.

Медленно двигался государь вдоль фронта полка, сопровождаемый свитой и иностранными военными агентами. Он останавливался перед каждым эскадроном, здоровался с людьми, обращаясь отдельно к заслуженным сверхсрочным вахмистрам.

Об,ехав полк, государь рысью направился к царской палатке. Раздалась команда "к церемониальному маршу".

Эскадроны, равняясь, как по ниточке, стали проходить перед царем. На фланге первого эскадрона, салютуя фельдмаршальским жезлом, проезжал единственный в России фельдмаршал - шеф полка и старейший в полку офицер, 75-ти летний великий князь Михаил Николаевич.

Второй раз полк проходил полевым галопом.

Редкое и красивое зрелище представляло собой это прохождение стройных, одетых в парадную форму с

Генерал адъютант В.Н.ДАНИЛОВ,
Командир Гвардейского корпуса.

красными лацканами, в косматых касках всадников, сидевших на подобраных масть в масть вороных конях. Государь благодарил каждый эскадрон и громкое "рады стараться" раздавалось в ответ на царскую благодарность.

По окончании церемониального марша полк снова построился фронтом к царской палатке. К государю по - дошли два георгиевских кавалера: каптенармус Синегубкин и вахмистр Масленников. Синегубкин нес на подносе мисочку со щами и судок с гречневой кашей, так называемую "пробную порцию" сегоднешняго солдатского обеда. Масленников держал в руках небольшой графин с водкой и серебрянную чарку.

Приняв от Масленникова чарку водки, государь поблагодарил офицеров и солдат за прекрасный парад и провозгласил здравицу полку. Затем он с удовольствием отведал солдатских щей и каши. После этого государь простился с полком, пригласив офицеров во дворец на завтрак.

Парад кончился. Собравшийся на плацу народ криками "ура" провожал от,езжавший царский автомо - биль. Полк под командой дежурного офицера возвращался с веселыми песнями в казармы, а офицеры ехали верхами во дворец.

В большом зале старого петергофского дворца стояли покоем три длинных стола, украшеных цветами и заставленными хрустальными вазами с фруктами и конфетами. Офицеры и преждеслужившие в полку собрались в соседней гостинной, куда вскоре и вышел царь. Он обошел всех собравшихся и пригласил их к столу.

Во время завтрака играли полковые трубачи и придворный симфонический оркестр. Государь оживленно беседовал со своими гостями и, по окончании завтрака, прощаясь с ними, обещал в 7 часов вечера посетить офицерское собрание.

А в это время во всех эскадронах шел веселый солдатский пир. Столовые были разукрашены гирляндами из свежей зелени. Перед эскадронными образами теплились лампадки. В углу столовой, на особом возвышении, стоял боченок с водкой. Каптенармус наливал каждому подходившему к нему солдату традиционную "чарку" /пол чайного стакана водки/. На столах дымились жирные щи, сдобренная сливочным маслом рассыпчатая гречневая каша и жареная свинина.

Подоспевшие из дворца эскадронные командиры и младшие офицеры присоединились к этому пиру, пили за здоровье своих солдат и благодарили их за удачный парад. Веселый разговор, смех и шутки раздавались за

всеми столами. Вахмистра и сверхсрочные унтер офицеры угощали в своих "коморках" вахмистров соседних полков и, в свою очередь, шли проведать приятелей в другие эскадроны.

И, несмотря на обилие явств и питей, не было ни пьяных ссор, ни драк. Как хозяева, так и гости соблюдали порядок, зная, что праздник еще не кончился и что вечером приедут самые почетные гости, которых надо встретить и проводить всем полком.

К семи часам вечера в вестибюле офицерского собрания выстроились по старшинству чинов все офицеры и преждеслужившие в полку. Среди последних находились великий князь Димитрий Константинович, наказной атаман Войска Донского генерал Максимович, сибирский генерал-губернатор А.А.Ломачевский и много других, съехавшихся со всех концов России, чтобы провести праздник в своей родной полковой семье.

Ровно в 7 часов к собранию подкатил царский автомобиль. Государь обошел всех офицеров, подал каждому руку и задал несколько вопросов. Обладая прекрасной памятью он знал по фамилиям всех, не только старших, но и младших офицеров.

Сопровождаемый командиром и хозяином собрания, Государь прошел в большую столовую и остановился перед ломившемся от закусок богатым закусочным столом.

Каких только горячих и холодных закусок не было на этом столе ! Среди них было немного деликатесов, которыми славились петербургские гастрономические магазины Елисеева и Смурова и которых было нетрудно достать в любом количестве. Украшением стола являлись не аршинные омары и лангусты, не трюфеля и страсбургские пироги, а простые домашние,но замечательно вкусные изделия полковых поваров. Тут были маленькие, утопавшие в сметане, биточки, крокеты из телячьей печенки, грибы в сметане, крошечные пирожки с капустой, гречневой кашей, грибами и рыбой, не говоря уже о разных домашних солениях и салатах из рыбы и дичи.

Запотевшие графины с водками и настойками - на черносмородиновых и березовых почках, перцовой, рябиновой и других - стояли во льду, окруженные серебрянными чарками.

Трудно было удержаться, чтобы не отведать всех этих аппетитных вещей. И гости, во главе с Государем, отдали заслуженную честь полковым кулинарам.

Старик буфетчик, Иван Михеич, не раз в своей жизни угощавший державного гостя, сиял от удоволь -

ствия, слыша, как государь похваливает искусство подчиненных ему поваров.

За рюмкой водки, с папиросой в руке, государь долго стоял перед закусочным столом, разговаривая с офицерами, интересуясь событиями и мелочами полковой жизни. И только, когда большая часть кулинарии Ивана Михеевича исчезла в желудках гостей и хозяев, общество перешло к обеденному столу.

Государь никогда не пил дорогого французского шампанского и, следуя его примеру, в офицерских собраниях на всех торжественных обедах подавалось русское шампанское "Абрау Дюрсо". Подняв бокал этого шампанского государь обратился к присутствовавшим с короткой речью, в которой благодарил командира и офицеров за прекрасное состояние полка. Ему ответили командир полка и старейший офицер генерал Ломачевский, произнесший экспромтом тост в стихах.

Во время обеда в соседней билльярдной играли трубачи под управлением капельмейстера Риотто и балалаечники, которыми дирижировал виртуоз - полковой писарь Орехов. Перед дессертом в столовой появились управляемые вахмистром Степаном Ивановичем Гейченко полковые песенники. Государь любил народные и солдатские песни, а Гейченко знал, какие из них особенно нравились царю.

Долго еще сидел за столом государь, слушая русские народные песни, которые он так любил. Наконец он поблагодарил и отпустил песенников и по приглашению старшего полковника перешел в гостинную. Здесь гостям был предложен концерт румынского оркестра Гулеско и знаменитого хора цыган из Новой деревни.

Уже давно прошло время, когда государю, согласно придворным обычаям, следовало-бы распроститься с хозяевами и уехать во дворец, но создавшееся настроение было настолько сердечным и непринужденным, что ему не хотелось огорчать радушных хозяев. Поэтому он не только не торопился с от,ездом, но даже согласился остаться на состоявшийся далеко за полночь ужин. И только в третьем часу утра, провожаемый всем полком, государь уехал на свою петергофскую дачу.

Старшие офицеры, проводив царя, вернулись к оставшимся гостям, а эскадронные командиры со своими офицерами разошлись по эскадронам, чтобы закончить праздник среди солдат.

Долго спал полк на следующий день. И, если-бы не забота о своих верных товарищах - конях, то вчерашние именинники спали-бы еще дольше.

После утренней уборки лошадей, запоздавшей на три часа, солдатам был снова выдан праздничный обед с традиционной чаркой.

Праздник кончился и наступили полковые будни с их учениями и маневрами.

Ежегодно во всех полках старой русской армии справлялись такие полковые праздники. В одних полках - более торжественно, в присутствии царя, в других, стоявших в отдаленных гарнизонах, менее торжественно и без царя. Но всюду с одинаковым воодушевлением и радостью.

Старые,преждеслужившие в полках офицеры с,езжались отовсюду, чтобы провести этот день в своей полковой семье. И никогда эти праздники не омрачались пьяными дебошами, ибо все их участники соблюдали неписаный закон: офицер может и должен быть весел, но не смеет быть пьяным.

Правда, на полковых праздниках выпивалось не мало водки и вина, но на них пили "с умом". А, если среди читателей найдутся строгие моралисты, которые осудят такое невоздержание, то я позволю себе указать им, что праздники эти происходили в России, а "весе - лие Руси - есть пити".

-+++++++++++++-

ЭСКАДРОННЫЙ ПРАЗДНИК.

Полковой праздник являлся официальным торжеством, на котором присутствовало все высшее начальство и даже сам государь. Эскадронные праздники справлялись гораздо скромнее и, кроме чинов эскадрона, участие на них принимало только полковое начальство.

Тем не менее для эскадрона праздник этот был также большим и радостным событием и справлялся он также весело и торжественно.

Каждый эскадрон имел своего покровителя - святого, икона которого в красивом киоте находилась в эскадронном зале. Эскадронный праздник справлялся в день этого святого.

Покровителем нашего эскадрона считался свят. Архистратиг Михаил, поэтому день праздника приходился на 8-е ноября.

В день эскадронного праздника главным распорядителем и хозяином являлся не командир эскадрона, а вахмистр, который приглашал, принимал и угощал гостей.

Вахмистром нашего эскадрона был сверхсрочный подпрапорщик Степан Иванович Гейченко, о котором я уже говорил в предыдущих очерках.

Любитель пения и страстный рыболов, Гейченко еще задолго до праздника был занят спевками, разучивая с песенниками новые и повторяя уже выученные песни. А за несколько дней до 8-го ноября он брал с собой трех - четырех солдат и выезжал с ними на рыбную ловлю. В четырех верстах от Петергофа находилось известное всем любителям рыбной ловли село Рыбацкое. В этом селе у Степана Ивановича была своя лодка и собственные снасти. С этой ловли он возвращался с богатой добычей, часть которой шла на парадный обед, а остальная поступала в распоряжение кашеваров для солдатского стола.

Но "гвоздем" торжества являлась не рыба, а знаменитая в полку "гейченковская" перцовка.

Перцовка эта заготовлялась Степаном Ивановичем

ежегодно после эскадронного праздника и стояла запечатанной в восьми четвертных бутылях целый год до следующего эскадронного праздника. Так как выпить на празднике все это количество не было никакой возможности, то две-три четверти оставались нетронутыми и распивались понемногу по разным случаям: в день именин Степана Ивановича, на свадьбах и крестинах детей сверхсрочных вахмистров и на примирительных трапезах, устраиваемых для примирения поссорившихся стариков.

"Гейченковская" перцовка славилась изумительным вкусом, цветом и крепостью. Но,выпив чарку этой перцовки, нужно было минут пять сидеть с открытым ртом, чтобы не задохнуться и оправиться от ожога горла и губ. Никакой другой водки Степан Иванович не признавал и требовал от всех полного уважения к этому химическому препарату.

За все время моей совместной службы с Гейченко я никак не мог привыкнуть к этому жестокому напитку и часто выдумывал предлоги, чтобы, не обижая Степана Ивановича, как нибудь уклониться от его восприятия. Но на эскадронном празднике никак нельзя было отказаться от нескольких чарок перцовки, дабы не заслужить на вечные времена презрения хозяина.

Эскадронный праздник начинался в 11 часов утра молебном перед иконой Архистратига Михаила. На торжество приглашались командир полка, его помощники, командиры соседних эскадронов и преждеслужившие в эскадроне офицеры. В числе гостей находилась также и вся "полковая аристократия"-сверхсрочные подпрапорщики. По окончании молебна и окропления святой водой всех помещений и конюшень эскадрона, командир полка пробовал солдатский обед и выпивал чарку водки за здоровье офицеров, вахмистра и солдат. После этого Степан Иванович приглашал гостей отведать его хлеба - соли.

Вахмистерская "коморка" состояла из кухни и большой светлой комнаты, хорошо и со вкусом обставленной мягкой мебелью. По середине комнаты был накрыт стол, уставленный всевозможными закусками. На самом почетном месте стояла четвертная бутыль с перцовкой.

Степан Иванович рассаживал гостей строго по.старшинству. На нижнем конце стола садились старики - сверхсрочные.

Обед, изготовленный женой Степана Ивановича был изумителен. Он начинался с таявшей во рту кулебяки, под которую нужно было выпить несколько чарок перцовки, собственноручно наливаемой и подносимой хозяи-

ПЕТЕРГОФ: Дворец и фонтан "Самсон".

ном. Затем подавалась такая уха, какой я никогда и нигде больше не едал, а к ухе - растегаи, перед которыми знаменитые "тестовские" никуда не годились. За ухой следовали поросенок в сметане и грандиозная, выкормленная хозяйкой, индюшка, неуступавшая той, которой Собакевич угощал когда-то Чичикова. Заканчивался обед кофе и сладким пирогом. Отяжелевшие гости с трудом подымались из за стола и прощались с хозяевами, причем, по установившемуся обычаю, каждый из гостей, пожимая руку вахмистерше, ловко вкладывал ей в ладонь пятирублевый золотой.

Пока Степан Иванович угощал в своей "коморке" гостей, командир эскадрона с младшими офицерами успевали побывать в эскадронной столовой и выпить чарку за здоровье солдат. Солдатский обед был также вкусный и обильный. Традиционная "чарка", пиво и мед дополняли пиршество.

После обеда весь эскадрон отдыхал, а в 6 часов вечера начиналась вторая часть торжества. Появлялись трубачи и балалаечники. Часть казармы, из которой были вынесены койки, превращалась в танцовальный зал, украшенный гирляндами из хвои. Каждый солдат мог приглашать на бал своих знакомых дам. В зале был устроен бесплатный буфет с прохладительными напитками, фруктами и сладостями. Все офицеры, во главе с эскадронным командиром, присутствовали на балу и танцовали с приглашенными солдатами барышнями - петергофскими горничными и кухарками.

Пока молодежь весело танцовала, Степан Иванович демонстрировал более солидным гостям своих песенников, по праву считавшимися лучшими в дивизии.

" С краев полуночи на полдень далекий
Могучий российский орел прилетел..."

Этой торжественной песней начиналась программа, состоявшая из веселых солдатских и задушевно-грустных народных песен. В них не было ни нископоклоннического восхваления "вождей", ни ернических двусмысленностей, которыми отличаются нынешние советские "народные" песни. В них отражалась подлинная душа русского народа с его скорбями и радостями.

После концерта в вахмистерской "коморке" снова накрывался праздничный стол. На этот раз гостями Степана Ивановича были сверхсрочные вахмистра и их жены. Но иногда Гейченко приглашал в "коморку" также и некоторых офицеров, к которым особенно благоволил. И гости рассаживались теперь уже не по старшинству, а

по просту, "без чинов".

В 12 часов ночи трубачи играли прощальный марш и бал кончался.

Проводив гостей, весь эскадрон собирался в столовой на праздничный ужин. Степан Иванович подносил каждому солдату добрую чарку своей перцовки. Офицеры еще раз пили за здоровье своих солдат и, распрощавшись с ними,расходились по домам.

А на следующее утро начинались обычные занятия и будничная жизнь вступала в свои права.

Мне часто приходилось слышать от людей, незнакомых с бытом старой русской армии, что наша армия была построена на нездоровых началах. В доказательство таких утверждений приводили тот факт, что солдатам у нас было запрещено появляться в ресторанах и других увеселительных заведениях, где могли бывать только офицеры. Между тем солдаты западных армий свободно посещают кафэ и бары и садятся за столики рядом с офицерами.

Я считаю, что пример этот не доказывает ни нездоровых начал, ни недемократичности старой русской армии. Если-бы нашим солдатам и было-бы разрешено посещать бары и рестораны, то я уверен, что, кроме вольноопределяющихся, никто из солдат таким разрешением и не пользовался-бы. Ибо вся обстановка этих заведений была чужда нашему солдату и никакой радости, кроме смущения, ему бы не доставила.

И, если мы сравним обычаи западных армий с существовавшим у нас порядком, то увидим, что русская армия была более демократичной. На западе не только офицеры, но и унтер офицеры имеют свои столовые и клубы, куда солдатам вход воспрещен. А офицеры демократических западных армий никогда не принимают такого участия в солдатских праздниках, как это было у нас.

Такие солдатские праздники сплачивали наших офицеров и солдат в одну дружную семью, которая была более демократичной, чем многие другие. И я уверен, что ни в одной армии не было и никогда не будет таких простых и веселых эскадронных праздников, какие мы справляли в нашей старой армии.

-++++++++++++-

В Е Р Б Л Ю Д А.

Когда Ломпика вместе с другими новобранцами привели в наш эскадрон, вахмистр Степан Иванович Гейченко был возмущен до глубины души.

Взводные понимали и разделяли возмущение вахмистра.

Гвардейские полки всегда пополнялись так называвшимися "типичными" новобранцами, т.е. людьми одинакового типа. В нашем и лейб гусарском полку все солдаты были брюнеты, в уланском - рыжие, а в лейб драгунском - блондины. На разбивку новобранцев в Михайловском манеже, которую производил сам великий князь Николай Николаевич, от каждого полка посылались "типичные" унтер офицеры, по типу которых и подбиралось для каждого полка новое пополнение. И великий князь строго следил за тем, чтобы раз на всегда установленный тип гвардейского кавалериста не изменялся.

А Ломпик совершенно не подходил не только к типу нашего полка, но и вообще к типу гвардейца.

Это был приземистый, почти квадратный, парень с маленькими, беспрестанно мигающими глазками и к тому-же светлый блондин, или, как говорили солдаты "белобрысый".

И вот этот белобрысый вятский "ведмедь" попал в эскадрон к вахмистру Гейчекнко, который строго охранял все полковые традиции и который за 25 лет своего вахмистерства еще никогда не видывал в эскадроне такой "белой вороны".

Конечно, во всем был виноват посланный за новобранцами молодой и неопытный офицер, но исправить его ошибку было уже невозможно. Приходилось зачислить Ломпика в списки эскадрона, приставить к нему для обучения "дядьку" и при первом удобном случае сбыть "ведмедя" в нестроевую команду.

Началось обучение новобранцев. Большинство из них вскоре привыкло к новой обстановке, усвоило

премудрость военной выправки и даже, с грехом пополам, вызубрило мудреную "словесность", не смешивая больше помощника командира полка полковника фон Крузенштерна с деревней Ла-Фершампенуаз, под которой полк в 1814-м году заслужил георгиевские трубы.

Один Ломпик отставал от товарищей и не мог ничему научиться.

Помощник обучающего новобранцев - унтер офицер Налимов - был в отчаянии и не раз пытался "выбить дурь из белобрысой чучелы". И только мое постоянное присутствие на занятиях удерживало Налимова от таких педагогических приемов.

Во первых Ломпик никак не мог выучиться говорить начальству "вы" и называл всех по деревенски на "ты". Затем он выставлял в строю свое, выращенное на ржаном хлебе, пузо и, наконец, отвечая на вопросы, зажмуривал "зеньки".

Что же касается "словесности", то этой премудрости он совершенно не мог одолеть.

- Отвечай, Ломпик, обращается к нему Налимов : кто наш бригадный командир ?

Ломпик моргает глазами и молчит.

Налимов косится на меня, потом вздыхает и говорит:

- Ну, повторяй за мной: командир бригады - свиты его величества генерал-майор барон Жирар де Сукантон.

Ломпик совсем закрывает глаза, выпячивает живот и выпаливает:

- Командер брихады... свита...баран...жираф... сука...Антон.

- Сам ты жирафа белобрысая, вопит Налимов. Ну что мне с тобой, ведмедем вятским, делать ? Опозоришь ты на смотру и его высокоблагородие - обучающего барина, и меня и весь эскадрон !

Степан Иванович, прогуливающийся по казарме, подходит к "ведмедю", долго на него смотрит и говорит:

- Посмотрю я на тебя, Ломпик: настоящая ты верблюда, только рогов тебе не хватает !

С тех пор за Ломпиком так и сохранилось в эскадроне прозвище "Верблюды".

Приближался смотр новобранцев. Ломпик крепко держался в седле, недурно вольтижировал, но остальной премудрости солдатской науки так и не мог одолеть. Он по-прежнему называл начальство "ты, ваше высокоблагородие", стоял животом вперед и портил весь строй.

ПЕТЕРГОФ: " Золотая горка".

Чтобы не срамить эскадрона, Гейченко упросил командира "сплавить" Верблюду в обоз.

В обозной команде Ломпик быстро освоился. Он еще в своей деревне привык ухаживать за лошадьми. А пешим строем и словесностью в обозе не занимались.

Вскоре вахмистр нестроевой команды стал настолько доволен Ломпиком, что поручил ему лучшего обозного жеребца "Ваську".

Прошло три года. Ломпик заканчивал срок своей службы и собирался осенью уволиться в запас. Но ему, как и многим другим, не пришлось в этом году побывать в родной деревне.

Полк выступил в лагерь. Начались маневры, но в конце июля нас вернули в Петергоф. А еще через день - погрузили в вагоны и отправили на германскую границу. Была объявлена война.

Через неделю полк, в составе кавалерийского корпуса Хана Нахичеванского,двинулся вглубь Восточной Пруссии. За полком, в обозе первого разряда, ехал Ломпик со своей патронной двуколкой.

6-го августа произошел славный для русской конницы Каушенский бой. Наш авангард столкнулся с немецкой пехотной бригадой. Вся дивизия была спешена и введена в бой. Заняв опушку деревни Каушен, мы вели ожесточенную перестрелку с врагом.

Батарея полковника Кирпичева нащупала немецкую артиллерию и заставила ее прекратить огонь. Немцы ввели в бой свои последние резервы. Чувствовалось,что вот - вот неприятель дрогнет и побежит. И в этот момент передали из цепей, что эскадроны расстреляли все свои патроны.

Несколько раз патронные двуколки пытались проскочить по сильно обстреливавшемуся шоссе, но каждый раз попадали под пулеметный огонь. Две обозных лошади были убиты, другие, раненые,бились в оглоблях.

Ломпик со своей патронной двуколкой пробовал также перемахнуть через обстреливаемый бугор, но неудачно. Сначала пуля оцарапала ему щеку, на что он не обратил никакого внимания. Но затем немцы ранили его жеребца "Ваську". Этого уж Ломпик не мог стерпеть.

Недолго думая он достал из под сидения мешок, вытряхнул из него сено и набил патронами. Взвалив тяжелый мешок на плечи, он, как настоящий медведь, не пригибаясь и не прикрываясь кустами, поплелся к цепям. Пули свистали вокруг него, но каким то чудом ни одна из них его не задела.

В самый критический момент, когда эскадроны,

оставшись совсем без патронов, не могли уже больше держаться на позиции, Ломпик добрался до цепей и, высыпав из мешка свою драгоценную ношу, спокойно уселся в канаве рядом со Степаном Ивановичем.

Вахмистр крякнул и охрипшим голосом сказал:

- Ну, спасибо, Верблюда: кабы не ты - пропал эскадрон !

- Чего там, ответил Ломпик, утирая грязной тряпкой пот, смешаный с кровью: пущай ребята разбирают, я еще принесу.

И Ломпик еще два раза совершил это опасное путешествие, снабдив патронами не только свой, но и соседний эскадрон.

- Ай-да молодец, Верблюда, приветствовали его повеселевшие солдаты.

Ломпик улыбался, моргал глазами и просил товарищей метче стрелять и отомстить немцам за Ваську.

Получив патроны наши эскадроны вскоре выбили немцев из Каушена. Сражение было выиграно.

-+++++++++++-

Прошло два месяца.Выздоровев от ранения, полученного под Каушеном, я возвращался в полк, отведенный на отдых в районе Оран.

Высадившись из поезда на станции Олита, я беспомощно озирался по сторонам, не зная, как добраться до полка. И вдруг я увидел Ломпика, стоявшего возле нагруженной хлебом двуколки. На груди у него блестел новенький серебряный георгиевский крест.

- Здравствуй, Ломпик, крикнул я ему: поздравляю тебя с монаршей милостью.

Узнав своего "обучающего барина", Ломпик расплылся в улыбке. Мы расцеловались.

- Тебе, ваше высокоблагородие, в штаб полка ? Садись на двуколку, подвезу !

Я уселся рядом с Ломпиком, он зачмокал на своего выздоровевшего Ваську и мы поехали.

Вдруг Ломпик повернулся ко мне, улыбнулся и, ткнув пальцем в свой георгиевский крест, спросил:

- А помнишь, ваше высокоблагородие, как меня в эскадроне "верблюдой" дражнили ? А вот теперь Верблюда кавалером стал !

И, зажмурив свои глазные щелки, Ломпик покачивался от смеха, приговаривая:

- Вот тебе и Верблюда !

-+++++++++-

НЕМЕЦКИЙ МЕД.

На пятый день мобилизации полк наш высадился на станции Пильвишки, в 25-ти верстах от германской границы. На следующий день наша бригада получила задание выступить к пограничной реке Шешупе, занять переправы и выслать вглубь Восточной Пруссии сильные офицерские раз,езды.

Наш командир, генерал Лопухин, совмещал должность командира полка с командованием бригадой. Поэтому штаб полка был несколько расширен. В его состав, кроме старшего полковника Навроцкого, заведывающего хозяйством полковника Стефановича и полкового ад,ютанта поручика Попова, входил еще офицер, исполнявший должность начальника штаба бригады. Должность эту генерал Лопухин возложил на меня.

На первом-же биваке, когда мы сидели за походным ужином, в штаб явился наш полковой священник - отец Виктор Малаховский.

Отец Виктор заявил командиру, что он боится оставаться в обозе второго разряда:

- Здесь у вас, может быть, и опаснее, но, как говорится, на миру и смерть красна. А в обозе - еще страшнее. Я не сплю по ночам, все ожидаю, что немцы нападут. Вы уж, ваше превосходительство, разрешите мне с моим церковником при вас остаться ?

Командир разрешил и с тех пор отец Виктор, выделявшийся от штабных офицеров своей, сшитой из солдатского сукна, рясой и войлочной скуфейкой, постоянно следовал за штабом, неуклюже восседая на обозной кляче и прижимая к груди закоптелый чайник, с которым он никогда не расставался.

Отец Виктор говорил, что он человек мирный и боится опасностей войны. Каждую минуту он ожидал нападения неприятеля и каждый орудийный выстрел заставлял его вздрагивать. По ночам он почти не спал, кипятил свой чайник, попивал чаек и прислушивался, не начинается-ли перестрелка на передовой линии. И, если в ночной тишине действительно раздавались выстрелы, батюшка будил меня и говорил, что пора подымать тревогу.

Но, если-бы все трусы походили на отца Виктора, то в нашей армии никогда не было-бы ни вызванных паникой отступлений, ни брошеных обозов, ни преждевременно очищенных позиций. Отец Виктор боялся только до тех пор, пока не было настоящей опасности, а когда таковая наступала, он забывал свой страх.

Я видел отца Малаховского под Каушеном, в Августовских лесах и под Петроковом. В Каушене он поспевал всюду, где тяжело раненые и умирающие нуждались в утешении и последнем напутствии. Не обращая внимания на неприятельский огонь, он приобщал умирающих, перевязывал раненых и закрывал глаза убитым. В Августовских лесах, когда полк блуждал по просекам, стараясь вырваться из неприятельского окружения, отец Виктор спокойно отпевал и хоронил убитых, а под Петроковом, накануне предстоявшего сражения, всю ночь молился и исповедывал желающих.

Таким-же "трусом" был и его церковник Еремин. Он также дрожал при каждом выстреле, сгибался в три погибели, если над штабом пролетал снаряд, но совершенно спокойно сопровождал отца Виктора, когда тот на позициях под вражеским огнем перевязывал раненых и приобщал умирающих.

31-го июля вся дивизия собралась в пограничном городке Владиславове, который накануне был обстрелен немецкой артиллерией.

Старший ад,ютант штаба дивизии капитан барон Нолькен произвел с колокольни Владиславовского костела разведку и обнаружил в соседнем немецком городе Ширвинте большое движение. Нолькен определил, что Ширвинт занят целой кавалерийской дивизией противника с двумя батареями. Поэтому на 1-е августа была назначена атака Ширвинта. 1-я бригада должна была наступать фронтально, а 2-я бригада обойти город с севера.

С ранняго утра наша бригада заняла позицию по берегу пограничной реки Шешупы, на которой должна была ожидать, пока 2-я бригада не закончит своего обходного движения.

Я с двумя ординарцами находился около моста через Шешупу. Солнце поднялось уже высоко и начинало припекать. Я лежал на траве и рассматривал в бинокль находившийся в 2-х верстах от нас Ширвинт. Прямое шоссе, обсаженное фруктовыми деревьями, соединяло пограничный мост с городом, в котором не было заметно никакого движения. Вдруг на шоссе показался велосипедист, выехавший из Ширвинта и быстро приближавшийся к мосту. Я приказал ординарцам укрыть лошадей в

кустах, сесть в засаду и приготовиться захватить в плен приближавшегося к нам немца.

Велосипедист, нажимая на педали, все ближе и ближе под,езжал к нам. И, когда он приблизился на 200 шагов, мы узнали в нем нашего штабного писаря Иваненко.

-Что ты делал в немецком городе, спросил я Иваненко, когда он слез с машины и, виновато улыбаясь, пытался проскочить через мост.

-Виноват, ваше высокоблагородие: я ездил туда за продуктами.

-За какими продуктами ?

-Владиславовские евреи сказывали, что там за наши деньги можно достать и колбас и сала и чего угодно. Вот я и накупил там всякой всячины.

И он показал на об,емистый пакет с продуктами.

-Как же ты мог покупать в Ширвинте продукты,если он занят немецкими войсками ?

-Никак нет: там нема никакого войска, ни немецкого, ни нашего. Я говорил с немецким попом. Он мне подарил этот "лисапет" и просил, чтобы мы не стреляли по ихнему городу.

Я решил проверить рассказ Иваненко, сел на коня и, сопровождаемый ординарцем, поскакал в город.

Ширвинт оказался маленьким, чистеньким городком. Единственные его две улицы перекрещивались на площади, посредине которой стояла кирка. Так как Ширвинт вел оживленную торговлю с владиславовскими евреями, то на площади было несколько торговых складов и больших магазинов. Склады и магазины были закрыты и их железные шторы опущены.

Людей на улицах не было видно. Только у кирки стоял пастор, который меня вежливо приветствовал.

Я под,ехал к нему и узнал, что никаких немецких войск в городе нет и не было. По словам пастора 30-го июля Владиславов был обстрелен кавалерийским отрядом, который в Ширвинт не вступал и в тот-же день ушел обратно в Пилькаллен. Большая часть жителей, испуганная приближением русских, покинула город, а немногие оставшиеся просят пощадить их имущество и не бомбардировать Ширвинта.

Я успокоил пастора и обещал ему, что никто из жителей не будет нами обижен, имущество их не пострадает и город не подвергнется бомбардировке.

После разговора с пастором я быстро об,ехал город, убедился, что он действительно никем не занят и поторопился вернуться в штаб, чтобы доложить команди -

ру результаты произведенной мною разведки.

В штабе бригады я застал начальника дивизии генерала Рауха, который с начальником штаба полковником Богаевским и капитаном бароном Нолькеном приехал руководить операцией "взятия Ширвинта".

Когда я доложил Рауху, что Ширвинт свободен от противника, Нолькен, обнаруживший в нем вчера целую дивизию, сначала смутился, но потом начал уверять, что немцы в Ширвинте были и вероятно только сегодня из него ушли.

Через десять минут бригада снялась с позиции и, выслав вперед авангард, двинулась в Ширвинт, где и расположилась на квартирах.

В покинутом жителями городе мы расположились с большим комфортом и предвкушали удовольствие выспаться на настоящих кроватях с бельем и перинами. Отец Виктор блаженствовал, так как мог кипятить свой чайник на плите, а не на костре.

После обеда генерал Лопухин приказал мне обойти все эскадроны и передать командирам его приказание не допускать грабежа брошеных жителями квартир и, особенно магазинов, товары которых будут переданы полевому интендантству.

Хотя утром я видел, что железные шторы магазинов были опущены, теперь некоторые из них оказались поднятыми и выставленные в витринах товары привлекали внимание собравшихся перед ними солдат.

Я передал командирам эскадронов приказание генерала Лопухина и возвращался в штаб.

Проходя мимо аптеки я услышал в ней русскую речь. Дверь была открыта. Я вошел в магазин и увидел четырех солдат, сидевших на полу вокруг большой стеклянной банки с гумми-арабиком. Вооружившись деревянными ложками, с которыми солдаты в походе никогда не расставались, они черпали клей из банки и, перекрестившись, отправляли тягучую жидкость в рот.

- Что вы, ребята, с ума спятили ? - крикнул я увлекшимся этим занятием солдатам.

Смущенные моим внезапным появлением, ребята поднялись и, с сожалением посматривая на банку, пытались оправдать свое "мародерство".

- Ваше высокоблагородие, обратился ко мне один из них: сегодня первый Спас и мы хотели разговеться медком. Кроме этой банки с медом - мы ничего не трогали.

- Да разве-ж это мед, сказал я, с трудом удерживаясь от смеха: это не мед, а клей, которым бумагу

склеивают. Вот у вас теперь от него все кишки слипнутся и придется вам животы резать.

- Никак нет, извольте попробовать: это самый настоящий немецкий мед. Он, правда, не имеет такого скусу, как наш рассейский мед, однако - кушать можно.

Выпроводив любителей меда из аптеки, я вернулся в штаб и, доложив Лопухину о передаче его приказания, рассказал ему о том, что я видел в аптеке.

- Ну что с ними делать, улыбнулся генерал. Я сам сейчас убедился в том, что все магазины и склады не тронуты и что наши ребята никаким немецким добром не попользовались. А вот до аптеки с "немецким медом" - они добрались !

И Лопухин приказал мне поставить у аптеки часового.

КАУШЕНСКИЙ БОЙ.

6-го августа 1914 года кавалерийский корпус Хана Нахичеванского широким фронтом продвигался вглубь Восточной Пруссии. Корпус наступал тремя колоннами. Наша, 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, составляла левую колонну, прикрывавшую правый фланг 20-го арм. корпуса.

В начале десятого часа утра дивизия, вытянувшись длинной походной колонной, свернула на север от Гумбиненского шоссе. Слева раздавались отдаленные орудийные выстрелы, свидетельствовавшие о большом сражении, завязавшемся под Гумбиненом.

Люди хорошо выспались, а лошади вдоволь поели найденного в брошеных хозяевами "бауергофах" овса. Поэтому все были в превосходном настроении и даже аэроплан, все время круживший над колонной, не возбуждал на этот раз никаких опасений.

- Это наш, уверенно говорили солдаты: вчера весь день своих за немцев принимали. Вот теперь из армии и послали ероплант, чтобы не вышло снова ошибки.

В авангарде шли два эскадрона лейб улан под начальством полковника Арсеньева. Наш полк шел в голове колонны. При полку находились начальник дивизии генерал Раух и начальник штаба полковник А.П.Богаевский.

Около 11-ти часов колонна остановилась. Со стороны авангарда доносилась оживленная перестрелка. Мы уже привыкли к тому, что с самого перехода границы наше движение по нескольку раз в день задерживалось небольшими отрядами ландштурмистов. Каждый раз, после короткой перестрелки, авангард выбивал ландштурмистов из засады и дивизия двигалась дальше.

Но на этот раз дело приняло другой оборот. Скоро к винтовочным выстрелам присоединилось тявканье пулеметов. Прискакавший от Арсеньева ординарец доложил, что у входа в деревню Каушен авангард столкнулся с баталионом противника. Арсеньев просил подкрепления.

- Генерал Лопухин, занервничал Раух: скорее пошлите вперед два эскадрона Конногренадер.

5-й и 6-й эскадроны нашего полка пошли галопом на поддержку улан. Только что они тронулись с места, как со стороны неприятеля бухнули два орудийных выстрела и два белых облака шрапнельных разрывов показались над столбом пыли, поднятым скачущими лоша - дьми.

Раух со штабом ускакал к хвосту колонны, а генерал Лопухин, командир нашего полка и одновременно командовавший 1-й бригадой, пришпорив коня вынесся на возвышенность, с которой был хорошо виден разыграв - шийся у подступов к Каушену бой.

Сражение разгоралось. Немцы стреляли уже из четырех орудий и соломенные крыши сараев, за которыми укрывались коноводы спешеных эскадронов авангарда, загорались одна за другой. Испуганные, необстреленные еще лошади вырывались из рук солдат и носились по полю.

Лопухин решил ввести в бой всю свою бригаду. Не дожидаясь приказаний уехавшего в тыл Рауха, он приказал остальным эскадронам спешиться и наступать на Каушен. В это время правее нас затрещали отдельные выстрелы. Оказалось, что шедшая рядом с нами 1-я дивизия также вступила в бой у северо-восточной окраины Каушена.

- Поедемте вперед, обратился Лопухин к своему штабу.

Сопровождаемые штаб трубачем и ординарцами, мы поскакали к нашим цепям, спустившимся уже в овраг, лежавший между деревнями Опельнишкен и Каушен.

Вскоре мы свернули на шоссе и попали под сильнейший обстрел. Один из ординарцев был ранен в ногу, под другим пала убитая лошадь.

Взглянув случайно на находившееся рядом с шоссе картофельное поле, я увидел, что оно буквально дымилось от града немецких пуль, перелетавших через наши головы. Мы полевым галопом пронеслись через поражаемое пространство и быстро достигли укрытия -первого дома деревни Каушен, за которым и спешились.

Вскоре к этому дому стали с,езжаться командиры и штаб офицеры других, втянувшихся в бой полков. Выяснилось, что, кроме нашей бригады, в деле принимают участие несколько эскадронов Кавалергардского и л.гв.Конного полков. Общего руководства этими частями не было и каждый из командиров распоряжался самостоятельно.

Командиры Кавалергардского и Конного полков-генералы князь Долгоруков и Скоропадский - под,ехали к Лопухину и стали говорить о необходимости начать отступление, так как немцы значительно превосходят числом стрелков наши слабые эскадроны.

- Я пока еще не убедился в превосходстве немцев и отступать не намерен, ответил им Лопухин.

Перестрелка усилилась. Мимо нас замелькали одиночные фигуры пробиравшихся в тыл кавалеристов. Вскоре к одиночным людям присоединились целые цепи, во главе которых довольно поспешно отходил полковник Уланского полка Маслов.

- Кто приказал вам отступать, крикнул ему Лопухин: назад, сию-же минуту возвращайтесь на фронт !

Но Маслов, сделав вид, что не расслышал Лопухина, продолжал отступать, подпираемый расстроенной толпой солдат.

- Вы слышите, полковник, что я вам приказываю ? закричал возмущенный Лопухин.

И видя, что его слова не производят впечатления, он вытащил из кобуры свой "Наган" и крикнул ординарцам :

- Шашки вон, гоните этих паникеров ! Я им покажу, как не исполнять приказаний в бою !

Маслов приостановился.

- Ваше превосходительство, обратился он к Лопухину, вытянувшись и приложив руку к козырьку: мои солдаты не паникеры, а исполняют мой приказ об отступлении.

- Молчать, заревел взбешеный Лопухин: вы с ума сошли, полковник ? Я - ваш бригадный командир - приказываю вам привести в порядок ваших солдат и вернуться на позицию. Не рассуждать ! Еще одно слово -и я вас на месте пристрелю из этого "Нагана".

Маслов побледнел и, чувствуя, что Лопухин действительно способен его пристрелить, остановил своих солдат, на которых энергичный приказ командира бригады тотчас-же оказал магическое действие. Они отнюдь не были трусами, но, попав неожиданно под губительный вражеский огонь, растерялись и бросились искать какого-либо прикрытия.

Оба генерала - Долгоруков и Скоропадский - молча наблюдали за разыгравшимся инцидентом, а Маслов поглядывал на них, ожидая, что они вступятся за него и осадят "зазнавшегося Лопухина".

Генерал Лопухин всего за три месяца до войны был назначен командиром нашего полка и являлся первым

и единственным командиром гвардейского полка, неслужившим раньше в гвардии. Поэтому старшие гвардейские офицеры относились к нему с некоторым пренебрежением, считая его "выслужившимся армейцем". Вот почему Маслов, обиженный резкостью Лопухина, искал сочувствия у двух"коренных гвардейцев" - Долгорукова и Скоропадского. Но в этот решающий момент даже старшие по службе генералы как-то сразу признали за Лопухиным право командовать и, увлеченные его примером, прекратили разговоры об отступлении и разъехались по своим частям, не обращая никакого внимания на сконфуженного Маслова.

- Разыщите начальника дивизии, приказал мне Лопухин, и передайте ему, что против нас несколько немецких баталионов. Их можно выбить из Каушена, но для этого нужно ввести в бой вторую бригаду и обе батареи.

Я поехал разыскивать Рауха, стараясь как можно скорее проскочить через сильно обстреливавшееся картофельное поле. Мне удалось уже благополучно его миновать, как вдруг я почувствовал будто что-то обожгло меня над правым виском. Дотронувшись рукой до обожженного места, я увидел на пальцах кровь и понял, что ранен. Однако никакой боли я не чувствовал. Убедившись в том, что голова моя цела и что больше всего пострадала моя фуражка, из которой был вырван порядочный кусок материи, я продолжал свой путь. В трех верстах от Каушена я увидел стоявшие в резерве полки второй бригады, возле которых находился штаб дивизии.

- Что с вами? Вы ранены ? - спросил меня Раух, выслушав донесение и просьбу Лопухина.

- Немного оцарапан, ваше превосходительство, отвечал я, утирая платком обильно струившуюся кровь.

- Ну, так передайте генералу Лопухину, что я не нахожу нужным втягивать в бой вторую бригаду и приказываю прекратить бой и отходить.

Зная, что Лопухин не исполнит такого приказа, я взглянул на стоявшего рядом с Раухом полковника Богаевского. Африкан Петрович понял, о чем я хотелбы его спросить, улыбнулся, пожал плечами и, отвернувшись, начал сбивать хлыстом головки придорожного бурьяна.

Я отдал честь Рауху, пришпорил коня и поскакал на позицию.

Сознаюсь, что мне было очень неприятно думать о новой переправе через проклятое картофельное поле. По дороге я окончательно убедился, что попавшая

мне в голову пуля только скользнула по черепу, не пробив кости. Однако весь мой носовой платок был пропитан кровью и нужно было заехать на перевязоч - ный пункт, чтобы остановить кровь и наложить повя - зку. Поздравив себя с таким удачным ранением, я собрался с духом и быстро проскочил картофельное поле, которое на этот раз обстреливалось гораздо слабее.

Лопухина я нашел уже в полуверсте от первого Каушенского дома, близь второго оврага, разделявшего деревню на две части. Он энергично распоряжался как своими, так и неподчиненными ему полками, офицеры которых охотно исполняли все его приказания,увлеченные его энергией и хладнокровием. За мое отсут - ствие цепи наши значительно продвинулись вперед.

Я передал командиру приказание начальника дивизии. Как я и ожидал, Лопухин не хотел и слышать об отступлении:

- Немцы уже дрогнули. Видите - мы заняли первую их позицию, и он указал на трупы немецких солдат , лежавшие по обе стороны шоссе. Кирпичев /командир конной батареи/ удачно обстрелял их резервы. Сейчас мы их собьем с второй позиции и бой будет выигран. Рауху я послал с Поповым /полковым адъютантом/ вто - рое донесение и нервы его успокоятся. Но на всякий случай запомните: вы меня еще не нашли и приказания Рауха не передали. Понимаете ?

Я молча приложил руку к козырьку.

Между тем сражение достигло высшего напряжения. Батарея полковника Кирпичева обнаружила немецкую и засыпала ее шрапнелью. Один из эскадронов нашего полка подошел на 600 шагов к флангу немецкой батареи и стал поражать ружейным огнем орудийную прислугу. Немецкие артиллеристы были вынуждены прекратить огонь и укрыться в окопах.

Место, на котором мы находились, было усеяно нашими и немецкими трупами. Я увидел среди них тело командира 5-го эскадрона улан - барона Каульбарса. Рядом с ним грузно осел в канаву, судорожно сжимая в одеревяневших руках бинокль, толстый немецкий капитан. А вокруг своих убитых начальников лежали десятки трупов солдат.

- Ваше высокоблагородие, услышал я за собой шопот штаб-трубача Букарева: только что убили корнета Лопухина. Приготовьте генерала. /Сын Лопухина был младшим офицером 6-го эскадрона./

Но мне не пришлось выполнить эту тяжелую обязанность: Лопухин сам нечаянно обнаружил труп своего

Ротмистр барон П.Н.ВРАНГЕЛЬ и полковник кн.ЭРИСТОВ на захваченной в Каушенском бою немецкой пушке.

сына...

Из цепи прибежал посыльный с просьбой передать на батарею, чтобы она прекратила огонь по немецкой батарее, так как кавалергарды в пешем строю пошли на нее в атаку. Но атака эта не удалась. Немцы встретили кавалергардов убийственным огнем и, нанеся им большие потери, заставили отступить. Снова началось замешательство и Лопухин поспешил к цепям.

Прямо впереди нас был участок 6-го эскадрона нашего полка, понесшаго самые большие потери. В нескольких шагах от шоссе лежал тяжело раненый командир эскадрона ротмистр Крамарев. Лопухин подъехал к нему, сказал несколько подбадривающих слов и вдруг увидел безжизненное тело своего сына.

-Трубач, возьми коня, спокойным голосом обратился он к своему вестовому.

Спешившись, Лопухин подошел к убитому юноше, снял с себя фуражку, перекрестился, перекрестил и поцеловал сына и таким-же спокойным и лишь немного охрипшим голосом приказал подать себе коня. Ни один мускул не дрогнул на лице генерала, а между тем убитый был его единственным и горячо любимым сыном...

Мы молча двинулись вперед.

Лопухин, как будто ничего не случилось, продолжал спокойно отдавать приказания, подбадривал раненых и возвращал на позицию уходивших под разными предлогами в тыл "потерявших сердце" людей.

Наша батарея снова стала бить по неприятельской, которая вскоре окончательно замолкла.

Но вот на правом фланге, перед фронтом этой батареи что то зашевелилось. Снова раздались крики прекратить огонь и эскадрон конногвардейцев понесся на вражеские орудия. Со всех сторон на присоединение к нему поскакали одиночные всадники - офицеры других полков, жаждавшие принять участие в этой лихой атаке. Но эскадрону этому не суждено было овладеть неприятельскими пушками. Всего лишь 200 шагов оставалось ему проскакать до них, как вдруг блеснули две молнии и атакующая масса превратилась в какую то кашу, в которой перемешались окровавленные кони и всадники. Двое, уцелевших от нашего убийственного огня, немцев - наводчиков бросились к своим орудиям и в упор дали по атакующим два выстрела "на картечь".

В тот же момент показался второй эскадрон, как ураган налетевший на батарею, и захватил эти пушки, которые нанесли нам такие ужасные потери. Это был

эскадрон барона Врангеля.

Бой стал стихать. Со всех сторон доносились стоны раненых. Перед взятой батареей лежали десятки изуродованных трупов офицеров и солдат, еще так недавно мечтавших о заветных "беленьких" /георгиевских/ крестиках и вместо них заслуживших другие - деревянные.

К семи часам вечера бой окончательно замер. Атака конногвардейцев была предпоследним его эпизодом. По настоянию Лопухина Раух ввел в бой вторую бригаду, после чего немцы, прикрываясь огнем двух свежих батарей, стали поспешно отходить на запад. Как и предсказывал Лопухин, мы выиграли сражение.

Впоследствии выяснилось, что против наших 26 спешеных эскадронов /2000 винтовок/ у немцев под Каушеном было 6 баталионов /7-й и 33-й ландверные полки /, т.е. 4500 штыков.

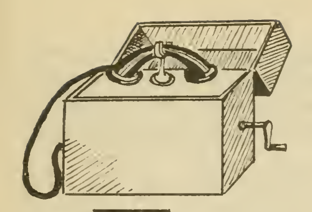
Каушенский бой был выигран нами исключительно благодаря мужеству и распорядительности одного из бригадных командиров - генерала Лопухина. Но Лопухину при жизни не удалось пожать лавры этой победы.

Щедрые награды посыпались на участников Каушенского боя. Командиры Кавалергардского, Конного и Уланского полков - генералы Долгоруков, Скоропадский и Княжевич, командовавший авангардом полковник Арсеньев и командиры обеих конных батарей - полковники Кирпичев и князь Эристов, получили высшее боевое отличие - орден св.Георгия. Ротмистр барон Врангель получил две награды - орден св.Георгия и чин полковника. И даже отдавший приказ об отступлении генерал Раух был награжден золотой георгиевской саблей. А неисполнивший этого приказа и тем самым решивший участь боя генерал Лопухин - почему-то не попал в список награжденных.

Но вся дивизия знала, что настоящим героем Каушена является не Раух, не Скоропадский и даже не барон Врангель, взявший немецкую батарею, а Лопухин, имя которого после Каушена стало известным всей русской армии.

И только после его геройской смерти под Петроковом /см."Ошибка ген.Войрша"/, через четыре месяца после выигранного им Каушенского боя, в приказе было объявлено о награждении скончавшегося от ран генерала Лопухина орденом св.Георгия 4-й степени за Каушен и тем-же орденом 3-й степени за Петроков.

-++++++++++-

ОШИБКА ГЕНЕРАЛА ВОЙРША.

В ноябре 1914 года на фронте между реками Вислой и Пилицей происходили ожесточенные бои, названные в истории первой Мировой войны "Лодзинской операцией".

Первая русская армия генерала Ренненкампфа получила задание перейти в наступление по левому берегу Вислы на фронте Плоцк-Кутно, а вторая армия генерала Шейдемана - атаковать немецкую армейскую группу в районе Лодзи. Операции эти должны были облегчить пятую армию генерала Плеве, прорвавшую австрийский фронт и подходившую к Кракову.

Бои протекали с переменным успехом. Одно время казалось уже, что 2-я немецкая армия окружена нами. Конница генерала Новикова прорвалась в тыл противника и разгромила его обозы, а Нижегородский драгунский полк захватил с налета немецкую гаубичную батарею. Однако неприятель, сосредоточив против 1-й армии большие силы, остановил наступление Ренненкампфа, а нерешительность начальника 2-й Сибирской дивизии генерала Геннингса позволила германской гвардейской дивизии Лицмана вырваться из окружения, в которое она попала под Лодзью. / В память этого прорыва генерала Лицмана немцы в 1939-м году переименовали Лодзь в Лицманштадт./

Обстановка сложилась так, что между левым флангом второй и правым флангом пятой армий, в районе Петрокова, образовался прорыв, в который немцы направили корпус генерала Войрша, состоявший из одной германской и одной австрийской дивизий. Движение Войрша угрожало тылам обеих русских армий и могло привести к катастрофе, подобной Танненбергской.

Поэтому русское верховное командование бросило в этот прорыв все имевшиеся в его распоряжении резервы: 1-ю и 2-ю гвардейские кавалерийские дивизии. Туда-же был направлен с Юго-Западного фронта 3-й Кавказский корпус генерала Ирмана.

Корпус Ирмана мог подойти к Петрокову не ранее 25-го ноября, а гвардейская кавалерия, находившаяся в Радоме, к 18-му ноября.

Поэтому Верховным Главнокомандующим была дана следующая директива обеим гвардейским кавалерийским дивизиям: "во чтобы-то ни стало удерживать Петроков и железную дорогу Петроков - Колюшки до подхода генерала Ирмана."

Задача эта была трудной и непосильной для 2-х кавалерийских дивизий /40 эскадронов при 24 орудиях/, понесших в предыдущих боях большие потери. Спешенные эскадроны не могли дать более 60 стрелков, т.е. обе дивизии - всего 2400 штыков, что соответствовало силе трех пехотных баталионов. А в корпусе Войрша было 18 баталионов и 84 орудий.

Начальство над Петроковским отрядом принял старший из начальников дивизий - генерал Гилленшмидт.

Наша дивизия пришла в Петроков 18-го ноября. На следующий день у Гилленшмидта состоялось совещание командиров, после которого три полка под начальством генерала Лопухина выступили из Петрокова на Белхатов. В районе Белхатова находилась Уральская казачья дивизия генерала Кауфмана-Туркестанского, которая отходила на Петроков под сильным давлением противника. Лопухину было приказано соединиться с уральцами и вместе с ними оборонять подступы к Петрокову.

Утром 20-го ноября три полка генерала Лопухина подошли к Белхатову, уже занятому противником.

Уральцы вместо того, чтобы отходить на Петроков, отошли на Лодзь и Лопухину предстояло одному выдержать натиск авангарда Войрша / 9 баталионов при 36 орудиях, т.е. 7500 штыков/. У Лопухина-же было 18 эскадронов /1100 штыков/ и 6 орудий.

Лопухин занял своим отрядом позицию по обеим сторонам шоссе Петроков - Белхатов. Позиция эта имела тот недостаток, что впереди нея находился молодой сосновый лес, в котором противник мог незаметно нака - пливаться. Но расположение в лесу для кавалерии было опасно, а другой, более удобной, позиции вблизи не было. Поэтому Лопухин решил остаться на выбранной им позиции, оборона которой была усилена шестью, приданными лейб- Драгунскому полку, пулеметами.

Утро прошло спокойно. Но в первом часу дня разведка донесла, что цепи противника вышли из Белхатова и продвигаются по обеим сторонам шоссе. Предстоял тяжелый оборонительный бой.

В начале третьего часа на нашем правом фланге завязалась перестрелка. Как мы и предполагали, немцы начали накапливаться в лесу, но пока еще из него не выходили.

Короткий ноябрьский день клонился к вечеру. И перед самым наступлением сумерок из лесу показались густые цепи противника, без выстрелов и перебежек приближавшиеся к нашей позиции. Немцы вероятно знали, что перед ними находится не пехота, а спешенная кавалерия, почему шли совершенно открыто. Одновременно их батарея открыла с самой близкой дистанции огонь, обстреливая нас шрапнелью и гранатами.

Оставив меня с двумя ординарцами на шоссе, где в придорожной канаве находился штаб отряда, Лопухин сел на коня и с двумя офицерами - ординарцами - штабс ротмистром Коллониусом и поручиком Лаймингом, штаб трубачем и остальными ординарцами поехал к лейб- Драгунам, на правый фланг, за который он особенно беспокоился.

Прошло минут десять. Вдруг с правого фланга послышалась сильная пулеметная стрельба. Драгунские пулеметы открыли огонь, но немцы их вскоре обнаружили и засыпали гранатами. Я мог видеть в бинокль, как драгуны начали отступать. В этот момент на поддержку отступающих бросилась конная группа в 70 - 80 всадников. Несколько гранат разорвались около этой группы. Я видел, как падали убитые кони и всадники.

Началась беспорядочная винтовочная стрельба, но отступившие драгуны, поддержанные конной атакой, перешли в контр наступление и на некоторое время задержали немцев.

Как я узнал потом, пулеметная команда Драгунского полка, попавшая под ураганный огонь противника, понесла большие потери. Все попытки вынести из под огня пулеметы оказались тщетными и их пришлось оставить на позиции. Тогда генерал Лопухин, посадив на коней находившийся в резерве 2-й эскадрон нашего полка, бросился во главе его на выручку пулеметов.

Пулеметы были спасены, но какой дорогой ценой!

Генерал Лопухин был смертельно ранен, его ординарец штабс ротмистр Коллониус - убит, командир 2-го эскадрона ротмистр Петржкевич - смертельно ранен, а его младший офицер корнет Окунев - убит. Коню второго ординарца поручика Лайминга гранатой оторвало голову, из остальных ординарцев двое были ранены. В эскадроне ротмистра Петржкевича девять солдат были убиты и около двадцати - ранены.

Захватив с собой пулеметы и подобрав всех раненых, наши цепи стали отходить. Я сел на коня и, не зная еще о ранении Лопухина, поехал его разыскивать. Уже темнело. Путь нашего отступления сильно обстрели-

бался. Проехав сотню шагов я встретил поручика Лай - минга и трех ординарцев, несших на бурке раненого Лопухина. Зная, что в полуверсте от позиции, около мельницы, находится штабной автомобиль, я приказал нести раненого к машине.

В этот момент пуля прострелила мне ногу. Не чувствуя большой боли, я, прихрамывая, присоединился к печальной процессии. Вскоре мы добрались до мельницы, положили стонавшего Лопухина в машину, посадили рядом с ним тяжело раненого Петржкевича и поехали в Петроков. На станции Петроков стоял под парами готовый к отходу поезд. В него были посажены генерал Лопухин и все тяжело раненые.

При прощании Лопухин, который невыносимо страдал /у него были прострелены печень и мочевой пузырь/ перекрестил меня. Я его видел в последний раз. На следующий день он скончался в одном из варшавских госпиталей. А через три дня умер и ротмистр Петржкевич.

Проводив раненых, я перевязал в отряде Красного Креста свою легкую рану и, поклонившись в часовне госпиталя убитым товарищам /за исключением корнета Окунева, тело которого в темноте не удалось найти, все раненые и убитые были подобраны и отвезены в Петро - ков/, вместе с поручиком Лаймингом вернулся в полк, который занял позицию в 6-ти верстах впереди Петро - кова. Эта позиция была последней, на которой мы, согласно приказа Ставки, должны были держаться до подхода 3-го Кавказского корпуса.

Настроение в полку, потерявшем своего любимого начальника и одного из лучших эскадронных командиров, было подавленное. И офицеры и солдаты понимали, что с нашими слабыми силами невозможно будет долго удерживать во много раз сильнейшего противника. Но все знали также, что дальше отступать нельзя и что мы должны до последнего патрона оборонять Петроков и не смеем отдать его немцам.

Никто не спал в полку в эту памятную ночь с 20-го на 21-е ноября. Полковой священник отец Малаховский поставил в углу халупы аналой, прилепил к нему восковую свечку, одел епитрахиль и приступил к исповеди желающих. Солдаты вынимали из переметных сум чистые рубахи и переодевались.

Наступило утро 21-го ноября. Проглотив по кружке горячего чая, офицеры разошлись по местам. Ожидалось, что с минуты на минуту немцы откроют огонь и перейдут в наступление. Но проходили часы, а немцы молчали.

В 12 часов дня разведчики донесли, что не - приятель, остановившись на нашей вчерашней позиции, начал на ней укрепляться. Действительно, с передовой линии можно было наблюдать в бинокль лихорадочно во- зводимые немцами укрепления.

Настроение у людей поднялось. Каждый понимал, что опасность миновала и что немцы, неиспользовавшие своего численного превосходства, останутся теперь пассивными. На фронте наступило затишье. А через три дня нас сменили стрелки 3-го Кавказского корпуса.

Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, прислал нашему отряду благодарность за отлично выполненную тяжелую задачу. Петроков был спасен и немцам не удалось вклиниться в образовавшийся между нашими армиями прорыв.

+

+ +

Что же остановило немцев под Петроковом ?

Почему генерал Войрш, располагавший 15.000 штыков при 84 орудиях против 2400 штыков и 24 орудий Гилленшмидта не смял наши слабые силы и не вышел в тыл 2-й русской армии ?

Никто из нас не мог ответить на этот вопрос, пока через несколько дней не стало известно, чем была вызвана эта роковая ошибка генерала Войрша.

Вот что произошло вечером 20-го ноября в штабе немецкого генерала:

Когда генерал Гилленшмидт, взбалмошный и страдавший манией величия начальник, вступил в командование двумя гвардейскими дивизиями, первым его распоряжением была реорганизация его штаба. Штаб этот разместился в одной из петроковских гостинниц / кажется "Бель Вю"/. Так как Гилленшмидт командовал второй гв. кав. дивизией, то перед штабом для ориентации ординарцев был выставлен на пике значек штаба дивизии. 20-го ноября Гилленшмидт решил, что,временно командуя двумя дивизиями, он является командиром корпуса. Назначив сам себя корпусным командиром, Гилленшмидт приказал заменить дивизионный значек корпусным. Старый значек был удален и заменен новым, наспех сшитым одним из петроковских портных.

Начальником связи в штабе дивизии был штабс ротмистр Гримм, прибалтиец, прекрасно владевший не - мецким языком. При отступлении из Белхатова мы не успели перерезать провода правительственного телеграфа. А немцы полагали, что мы их перерезали около Петрокова. Для ускорения проводки полевых телефонных линий

и наша и немецкая связь использовали провода правительственного телеграфа, включив в линию полевые телефоны. Поэтому мы могли подслушивать разговоры немцев, а немцы - наши. Когда Гримм установил это важное обстоятельство, то немедленно распорядился выключить все наши полевые телефоны и провести новые линии. Не слыша больше по линии русских разговоров, немцы поняли, что провода нами перерезаны и, совершенно не стесняясь, начали передавать по телефону все распоряжения. Штабс ротмистр Гримм, который и днем и ночью дежурил у аппарата, подслушивал и записывал все передачи немцев. Таким образом мы знали все, что происходит у противника.

Вечером 20-го ноября Гримм подслушал следующий разговор Войрша с начальником подчиненной ему австрийской дивизией.

- В Петрокове у русских всего лишь одна кавалерийская дивизия, которую мы сегодня разгромили. Приказываю вашей дивизии завтра с утра перейти в наступление и овладеть Петроковом. На вашу дивизию возлагается легкая и почетная задача, которая будет иметь большие последствия.

Австрийский генерал ответил, что он с радостью готов передать выполнение этой "легкой и почетной" задачи своему немецкому коллеге, ибо, полученные им от петроковских шпионов донесения - совешенно расходятся с теми сведениями о противнике, которыми располагает штаб корпуса.

И по просьбе генерала Войрша начальник австрийской дивизии передал следующее:

- Сегодня вечером в отеле "Бель Вю" расположился штаб только что пришедшего в Петроков русского гвардейского корпуса. Как вам известно, в состав этого корпуса , кроме кавалерии, входят три пехотных дивизии. Атаковать эти силы одной моей дивизией я считаю абсурдом и поэтому уступаю немецкой дивизии возлагаемую вами на меня "легкую задачу".

Генерал Войрш, узнав таким образом о прибытии в Петроков русского гвардейского корпуса, тотчас отменил назначенное им на 21-е ноября наступление, приказал подчиненным ему дивизиям укрепиться на подступах к Петрокову и потребовал от штаба своей армии подкреплений.

Немецкие шпионы были введены в заблуждение манией величия Гилленшмидта, а немецкое главное командование попало в просак, поверив донесениям

своей контр разведки, которая, впрочем, допустила лишь одну маленькую неточность.

Дивизионные штабные значки отличались от корпусных размерами и цветом. Как на дивизионных, так и на корпусных значках стояли номер дивизии или корпуса, причем на значках кавалерийских дивизий и корпусов к номеру прибавлялась буква "К".

Вот эту букву немецкие шпионы и упустили из виду. Расшифровывая значек штаба Гилленшмидта, на котором стояло " Гв.К.", они вместо "гвардейский кавалерийский корпус" прочитали "Гвардейский корпус".

Ошибка эта дорого обошлась немецкому командованию, так-как, благодаря ей, сорвалось уже намечавшееся германской ставкой окружение 2-й русской армии.

Нашему-же кавалерийскому отряду она помогла с честью выполнить возложенную на него русским верховным командованием задачу - предотвратить эту катастрофу

-+++++++++++++-

ЧУКЧИ.

Вспоминая быт старой русской армии, нельзя обойти молчанием тех, которые являлись столпами этой армии, воспитывали ее, несли огромную моральную ответственность за ее состояние, беззаветно жертвовали собой, когда она призывалась к исполнению своего долга и одновременно подвергались нападкам и насмешкам со стороны либеральных кругов русского общества.

Кроме самих военных, мало кто представлял себе трудные, сложные и ответственные обязанности офицеров, своеобразный уклад их жизни и то ничтожное вознаграждение, которое они получали за свою безкорыстную и полную опасностей службу.

Любимой темой русских писателей последнего периода дореволюционной эпохи было карикатурное изображение самых отрицательных типов офицеров. Из "Поединка" Куприна, рассказов Замятина и других современных писателей у читающей публики создалось мнение, что большинство русских офицеров являлись людьми малокультурными, грубыми, интересующимися лишь бессмысленной муштровкой солдат, выпивкой и картежной игрой. Такие карикатурные типы затмили собой образы капитанов Миронова, Хлопова и Тушина, братьев Козельцовых и других скромных офицеров - героев, запечатленных в бессмертных произведениях Пушкина, Лермонтова и Л.Н.Толстого. И, если старшее поколение русской эмиграции так предвзято и неверно представляло себе офицеров нашей армии, то как должна себе представлять этих слуг "кровавого царизма" более молодая, новая эмиграция, воспитанная на советской литературе ?

Можно как угодно относиться к "старому режиму", можно быть сторонниками или противниками демократии, но нельзя голословно, не зная быта старой русской армии, обвинять во всех смертных грехах тех людей, которые были, прежде всего, верными слугами родины и, не раздумывая, жертвовали своей жизнью для ее спасения и величия.

Вот почему, прослужив с 1904-го по 1918-й год в рядах старой русской армии и пробыв более десяти лет среди ее офицеров, мне хочется дать читателю верное представление об этих тружениках и героях.

Во время русско-японской войны я близко наблюдал армейских офицеров. После этой войны я сам был офицером гвардии. Поэтому я видел как рядовых, так и "привиллегированных" офицеров, подвергавшихся особым нападкам не только со стороны либеральных писателей, но даже и своих собратьев - армейских офицеров.

Я не хочу скрывать антагонизма, существовавшего до первой мировой войны между гвардией и армией. Мужественное поведение гвардейских офицеров, огромные потери, понесенные гвардией /особенно в офицерском ее составе/ в первые месяцы войны и добровольный переход многих офицеров гвардейских полков в армейскую пехоту для пополнения ее командного состава - не только сгладили, но совершенно уничтожили этот антагонизм. Но до войны армейцы завидовали гвардейцам и недолюбливали их. Не отдавая себе отчета в том, насколько было трудным служебное и материальное положение гвардейских офицеров, армейцы считали их привиллегии незаслуженными и несправедливыми.

Каковы же были эти привиллегии гвардейцев, о которых так много говорили в армии ?

Вряд-ли можно считать "привиллегированной" такую службу, которая не только не оплачивалась, но требовала еще значительных расходов собственных средств. Поэтому единственной и действительной привиллегией гвардии являлась военная карьера, обезпеченная каждому гвардейскому офицеру, выдержавшему тяжелые испытания первых лет службы в полку. Так как в гвардии не было чина подполковника, то гвардейские капитаны /в пехоте/ и ротмистра /в кавалерии/ по выслуге лет и при наличии вакансий производились прямо в полковники. Между тем армейские капитаны за тот-же

период службы / а иногда и за гораздо дольший/ получали только чин подполковника, который для многих являлся пределом их военной карьеры. Поэтому товарищи, одновременно окончившие военное училище, оказывались - одни в 34 - 36 лет полковниками, другие в 40 - 45 лет подполковниками. А каждый гвардейский полковник, показавший себя способным офицером, получал в командование армейский полк, тогда как только немногие армейские подполковники могли мечтать о таком высоком назначении.

Совершенно неправильным было представление о том, что в гвардии могли служить только представители титулованных и аристократических фамилий или воспитанники привиллегированного Пажеского корпуса. Для производства в гвардию юнкеру военного училища, а также и пажу нужно было получить на выпускных экзаменах, при 12-ти балльной системе, не менее 10-ти баллов в среднем по всем предметам. Поэтому в гвардию мог быть выпущен нетитулованный юнкер, отлично выдержавший офицерский экзамен, а аристократ, окончивший училище только с хорошими или удовлетворительными отметками, попадал в армейский полк.

Из Пажеского корпуса также далеко не все воспитанники выходили в гвардию. Единственной привиллегией этого учебного заведения было то, что в него определялись только сыновья и внуки отличившихся генералов и адмиралов "за заслуги их отцов и дедов". Требования, пред,являемые пажам были особенно строги, а учебная часть была поставлена так высоко, что многие воспитанники не могли кончить курса и переводились в другие учебные заведения. Моими преподавателями в Пажеском корпусе были такие известные ученые, как поныне здравствующий В.Н.Ипатьев, академик-артиллерист Юрлов, законовед князь Друцкой Сокольницкий и другие професора академий Генерального Штаба, Военно-Юридической, Артиллерийской и Инженерной. А для выпуска в гвардию от пажей требовалось еще больше знаний, чем от юнкеров, почему многие из моих товарищей были вынуждены выйти в армию.

Так как гвардия была постоянно на виду, то служебные требования, пред,являвшиеся гвардейским офицерам, были очень суровы. Легкомысленно относившийся к службе или малоспособный офицер не мог оставаться в полку и увольнялся в запас или переводился на гражданскую службу.

Служба в гвардии была также связана с большими и непосильными для многих молодых людей денежными

Генерал А.А.БРУСИЛОВ.

расходами. Так, например, холостые гвардейские офицеры были обязаны столоваться в офицерском собрании, а цены в собраниях были очень высоки и соответство - вали ценам первоклассных столичных ресторанов. Поэ - тому гвардейский офицер тратил только на свое продовольствие от 75 до 100 рублей в месяц. А, если он позволял себе выпить лишнюю рюмку водки перед зав - траком, или бутылку вина за обедом, то расходы эти еще более увеличивались. Кроме того гвардейский офицер должен был быть всегда безукоризненно одет. При мне в полку было 7 форм одежды / парадная в строю, парадная вне строя, бальная или "эрмитажная", обы - кновенная в строю и вне строя, служебная и повседневная/. Для каждой из этих семи форм требовались разные предметы обмундирования и обуви. В результате - гвардеец тратил втрое больше на стол и вчетверо больше на обмундирование, чем армеец.

Бюджет только что произведенного гвардейского офицера колебался от 150 до 200 рублей в месяц. А жалование, вместе с квартирными, составляло всего 80 рублей. Только немногие состоятельные офицеры получали недостающие деньги от своих родственников.Еще меньший процент, окончивших с особым отличием военно-учебные заведения, получали стипендии / от 600 до 750 рублей в год/, выдававшиеся специально для того, чтобы предоставить им возможность служить в гвардии. Остальные должны были как-то выворачиваться, стара - лись через два года после производства выдержать трудные конкурсные экзамены в одну из военных академий, или, прослужив 1 - 2 года, переводились в армию.

Мне самому пришлось испытать эти тяжелые мате - риальные условия, в которые попадали большинство молодых гвардейских офицеров. Окончив одним из первых Пажеский корпус, я получал 600 рублевую стипендию. Но и эта поддержка оказалась далеко недостаточной. На второй год службы я был назначен исполнять две должности /помощника начальника учебной команды и делопроизводителя полкового суда./ По этим должно - стям я получал около 20 рублей "столовых денег". С большим трудом, отказывая себе не только в развлечениях, но даже в поездках в Петербург для свиданий с родными, я мог продолжать службу, которой и отдался всецело.

Проведя весь день /с 7 утра до 8 вечера с двухчасовым обеденным перерывом/ в учебной команде, я возвращался домой и погружался в делопроизводство полкового суда, довольно сложное и требовавшее

знакомства с военно-судебными уставами, сводом военных постановлений и уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изучение этих руководств занимало у меня весь остаток вечера и ни о каких развлечениях я не мог и мечтать.

Я жил на одной квартире с четырьмя товарищами по корпусу, одновременно со мной произведенными в офицеры. Мои сожители были люди небогатые и также безвыездно сидели в полку, с утра до вечера отдаваясь служебным занятиям. Вот тогда-то мы, пятеро, и основали "общество чукчей", получившее через некоторое время громкую известность в гвардейской кавалерии.

Один из моих товарищей достал только что вышедшую в свет, очень живо и талантливо написанную книгу "Чукотские рассказы". Книгу эту мы прочитали вслух и она нам так понравилась, что мы начали называть некоторые вещи по-чукотски. Так нашу квартиру мы называли "пологом", водку - "огненной водой", деньщиков - "ламутами". Вскоре мы решили, что, если будем подражать чукчам, то значительно сократим наши расходы. Мысль эта всем понравилась и, назвав себя "чукчами", мы поклялись в продолжении целого года не нарушать священных обычаев чукотского племени.

Прежде всего мы все записались на солдатский "котел". За 4 рубля в месяц каждый из нас получал солдатский обед и ужин, которые наши деньщики приносили в судках из казарм.

В 12 часов дня мы появлялись в офицерском собрании, обменивались приветствиями с другими офицерами и незаметно исчезали, торопясь домой, где нас уже ожидали вкусные, густо наперченые солдатские щи с порцией вареного мяса и рассыпчатая гречневая каша. Выпив по рюмке "огненной воды", мы с аппетитом обедали, немного отдыхали и снова отправлялись на занятия, а вернувшись вечером из казарм, с таким-же аппетитом истребляли солдатский ужин, состоявший обыкновенно из тех же щей и каши.

Так как правоверные чукчи покидают свои "пологи" только для охоты, то и мы выходили из дому только на занятия, совершенно отказавшись от поездок в Петербург, посещения своих родных и знакомых, театров и кинематографов. Первый же месяц такой "чукотской жизни" дал каждому из нас около ста рублей экономии. На эту экономию мы приобрели учебные пособия, необходимые для подготовки в академию, и начали усиленно заниматься.

Само собой разумеется, что, будучи правоверными чукчами, мы обзавелись собаками, сопровождавшими нас в казармы и ставшими вскоре нашими любимцами. Из "чукотских рассказов" мы знали, что чукчи устраивают ежегодно праздник своим упряжным собакам, закалывая для них целого оленя. Поэтому перед Рождеством и мы решили устроить нашим собакам "собачью елку". В нашей общей гостинной была поставлена большая елка,все украшение которой состояло из "мерзавчиков" /маленьких бутылок водки по 1/200 ведра/ и гирлянд из сосисок. "Мерзавчики" предназначались для "чукчей" и "ламутов", а сосиски для собак.

На другой день после "собачьей елки" все чукчи были вызваны старшим полковником для "об,яснений по делам службы". Полковник распек нас за то, что мы бойкотируем офицерское собрание и "безобразничаем" у себя на квартире. Но, выслушав наши об,яснения и получив приглашение на вторую "собачью елку", которую мы решили устроить в канун Крещенья, полковник, бывший тоже любителем собак, сменил гнев на милость, взяв с нас обещание хотя-бы изредка завтракать в собрании.

Вторая "собачья елка" была организована более солидно. Все офицеры, имевшие собак, получили отпечатанные на картоне с золотым обрезом приглашения следующего содержания:

"5-го января в 7 часов вечера наши упряжные собаки устраивают елку, на которую имеют честь пригласить вашу уважаемую собаку. Чукчи."

К 7-ми часам вечера наша маленькая квартира наполнилась офицерами и собаками всяких пород, мастей и возрастов. Так как наши четвероногие гости вели себя не совсем благопристойно, скалили зубы, ворчали на своих товарищей и пытались вступить с ними в драку, то пришлось ускорить намеченную программу торжества. Эскадронные песенники пропели несколько песен, после чего собакам были щедро розданы висевшие на елке сосиски, а владельцы собак были приглашены к парадному ужину, меню которого состояло из тех-же сосисок в томатном соусе, солдатских щей и каши. Никаких деликатесов, вин, шампанских и ликеров, кроме "огненной воды", стоявшей в "мерзавчиках" перед каждым прибором, не было. Но, несмотря на такое скромное меню, ужин прошел весело и оживленно.

Этот "чукотский праздник" так понравился нашим гостям, что после него почти все холостые офицеры нашего полка записались в "чукчи".

"Общество чукчей" просуществовало два года, но, в конце концов, было распущено по требованию хозяина собрания, ибо угрожало полному его банкротству. Но общество это , хотя несколько и отразилось на оборотах собрания, все таки принесло большую пользу молодым офицерам, которые, благодаря ему, выдержали самые тяжелые первые года службы в полку.

Через два года трое "чукчей" блестяще выдержали экзамены и поступили в академию Генерального Штаба, а двое - заняли в полку ответственные должности, приносившие им по 30 рублей "столовых денег".

В ежегодных атестациях, которые составлялись на всех офицеров и от которых зависела их дальнейшая карьера, все пятеро основателей "общества чукчей" были атестованы "выдающимися офицерами", что было совершенно справедливо, ибо "чукчи" действительно проводили дни и ночи в казармах, старательно и толково занимались с солдатами и пользовались искренней любовью своих подчиненных.

" Общество чукчей" на долгое время оставило по себе память в полку. О нем часто вспоминали, а молодые офицеры старались подражать традициям "чукчей", усердно занимаясь службой и воздерживаясь от дорого стоивших развлечений вне полка.

Я привел рассказ о "чукчах" для того, чтобы показать насколько тенденциозны и неверны обвинения офицеров старой русской армии в некультурности, пьянстве и праздности. Никогда в своей жизни я не работал так много и так прилежно, как в первые годы моей офицерской службы, когда был "чукотским старостой". Этим годам я обязан тому, что изучил не только военные, но и другие практические науки /уголовное и гражданское право, архитектуру, черчение/, благодаря которым в эмиграции имел заработок и подходящие занятия.

Из основателей "общества чукчей" остался в живых только автор этих строк.

Трое "чукчей" погибли смертью храбрых в первую мировую войну. Судьба четвертого - еще более трагична.

Я говорю о моем товарище по корпусу и по полку Алеше Брусилове, сыне известного генерала А.А.Брусилова. Насильно мобилизованный большевиками, он был послан на южный фронт командиром красноармейского конного полка. При первом удобном случае он попытался перейти на сторону белых, что ему и удалось. Алеша думал, что будет радостно встречен офицерами Добро -

вольческой армии и вступит в ее ряды. Каково-же было его разочарование, когда офицерский патруль, которому Алеша сдался, обошелся с ним не как с перебежчиком, а как с пленным, захваченным в бою. Не принимая никаких объяснений, офицеры осыпали его бранью и, издеваясь, называли большевиком и предателем. Самовольно, без всякого суда, не представив даже перебежчиков в штаб отряда, офицеры расстреляли Алешу и сопровождавшего его, тоже насильно мобилизованного красными, вахмистра. Свидетелем этого самосуда был вестовой Алеши, успевший вскочить на коня и спасшийся от смерти.

Расстрел белыми единственного и любимого сына так повлиял на генерала А.А.Брусилова, что он после этого открыто перешел на сторону большевиков, предоставив им свой опыт, знания, а главное - имя, столь популярное в старой русской армии.

ЖИЗЕФ.

Мне хочется закончить мои очерки воспоминаниями о тех солдатах, с которыми мы, офице - ры,делили, дома и на войне, горе и радости, которые были нашими лучшими друзьями и хранителями не только всего нашего имущества, но и самых сокровенных тайн.

Я говорю о наших деньщиках, или "казенной прислуге", как они официально назывались.

Много неправды было написано как в советской, так и в эмигрантской литературе об отношениях офицеров к деньщикам. Но каждый кадровый офицер старой русской армии отнесется с негодованием к этой клевете, ибо офицера и деньщика в нашей армии связывали узы не только дружбы, но и товарищества.

Справедливость моих утверждений доказывается тем, что незадолго до первой мировой войны /если не ошибаюсь, в конце 1913-го года/ оказалось так много деньщиков, желавших остаться у своих "господ" по окончании действительной службы, что пришлось издать специальный приказ по Военному Ведомству, учреждав - ший институт "сверхсрочных деньщиков".

И те, кто пытаются изобразить в своих писаниях наших бывших деньщиков, как запуганных и бессло - весных рабов, либо сознательно клевещут, либо делают это, как П.Н.Краснов в романе "От двуглавого орла к красному знамени", чтобы создать необходимую для развязки романа канву.

Первым моим деньщиком был Осип Залога.

Выбор деньщиков зависел от вахмистров. А старые вахмистра никогда не назначали к молодым офице - рам, которых они считали "молокососами", расторопных деньщиков. Поэтому и мой Залога был одним из самых бестолковых солдат в эскадроне.

Как и все гвардейцы, Залога был высокого роста и недурной наружности, но отличался удивительной неуклюжестью. Хозяйничал он в моей холостой квартире как слон в посудной лавке. Скоро все мои стаканы и тарелки были им перебиты, а единственная ценная вещь моей обстановки - фарфоровая ваза - обращена в

безногого инвалида, так как подставка ее, по словам Залоги, "отвинтилась".

Прошло несколько месяцев. Залога привык ко мне, перестал колотить посуду и начал справляться с моим немудреным хозяйством.

Так как он был уроженец Люблинской губернии и католиком, то, хотя в списках эскадрона и значился Осипом, но на это имя никогда не откликался. Узнав, что дома его звали Юзефом, я стал называть Залогу "Жозефом", что ему очень понравилось. Но в эскадроне ребята мигом перекрестили его в "Жизефа". Так до самого конца своей службы Залога и остался "Жизефом".

Молодые офицеры редко бывали дома. Мы проводили большую часть дня на занятиях в эскадроне, а в свободное от занятий время - в офицерском собрании. Поэтому Жизеф единолично распоряжался как моей квартирой, так и всем моим имуществом.

Иногда он мне докладывал, что вышел весь чай и сахар, что надо отдать прачке белье или починить сапоги. Тогда я выдавал ему деньги на эти хозяйственные расходы. Но скоро Жизеф отобрал от меня все мои капиталы и уже не я ему, а он выдавал мне деньги на мои расходы.

У меня, как и у других молодых офицеров, никогда не было ни бумажника, ни кошелька. Деньги я хранил в карманах рейтуз, кителя или мундира. Однажды, вернувшись вечером из собрания, я скинул мундир, в боковом кармане которого находился весь мой "государственный банк". Утром денег в мундире не оказалось.

"Неужели Залога украл деньги ?" подумал я со страхом. Но оказалось, что Жизеф их умышленно припрятал.

-Где деньги, которые были в мундире ? спросил я его на следующий день.

-Так што я их сховал.

-Куда ты их "сховал"?

-В сундук, там они целее будут.

-Что за глупости. Вынь их из сундука и принеси мне: я сегодня поеду в "город"./Так называли мы Петербург./

-Зачем вам все деньги ? Я вам дам три рубля, фатит !

-Вот чудак: как это три рубля "фатит" ?

-А так, што нам скоро треба за фатеру платить и прачке отдать. А вы "пенензы" все потратите, чем тогда платить будем ?

И, несмотря на все мои просьбы и требования, Жизеф больше трех рублей мне так и не дал.

С тех пор он завладел всеми моими деньгами.

Однажды я был приглашен обедать в один дом, хозяйка которого была именинницей. Нужно было под - нести имениннице коробку конфет. А денег у меня не было. Пришлось обратиться к Жизефу.

Узнав, что я собираюсь в "город", он предложил мне "трюху".

- Нет,Жизеф, сегодня мне трех рублей не "фатит", давай еще десять.

- У нас таких "пененз" нема.

- Пойми-же, что я не могу ехать в гости без конфет, а они дорого стоят.

- А може пять рублей фатит ?

- Говорю тебе, балбес, что нужно десять !

Видя, что я начинаю сердиться, Жизеф смило - стивился и принес мне "красненькую".

- Только вы уж все не тратьте, попросил он, передавая мне деньги: у нас больше пененз нема, а скоро треба за фатеру платить.

Когда Залога кончил срок своей службы и со - бирался на родину, он принес мне из заветного сундука 100 рублей, о существовании которых я и не подо - зревал. Я хотел отдать ему половину этих, сбережен - ных им, денег, но Жизеф категорически от них отка - зался. Он заявил, что теперь, после его ухода, никто не будет больше "ховать" денег и мне скоро нечем будет платить прачке и за квартиру.

- Что тебе подарить на память ? - спросил я его перед разлукой.

Жизеф подумал немного и ответил:

- Подарите мне "патрет", но чтобы на патрете все были засняты.

- Кто это - "все"?

- Вы, я, "Вестник" /мой любимый конь/ и "Пуф" /мой фокс-терьер/.

Я, конечно, согласился и послал Залогу за нашим полковым фотографом.

Фотограф этот был большой мастер своего дела. Все наши солдаты были его клиентами и фотографии его пользовались большим успехом.

Секрет этого успеха заключался в том, что у фотографа были заготовлены картинки, изображавшие солдата нашего полка в полной парадной форме верхом на коне "Буцефале". В одной руке у солдата была

обнаженная сабля, в другой - стреляющий пистолет. На картинке у солдата на месте головы был вырезан кружок, в который и вставлялась настоящая фотография клиента. Под фотографией золотыми печатными буквами было написано: "Конно-гренадер такого-то эскадрона /имя рек/. Конь Буцефал." А так-как конь "Буцефал" стоял на дыбах, извергал из ноздрей дым и пламя и вообще был больше похож на дракона, чем на лошадь, то фотография получалась особенно эфектной.

Вот этот знаменитый фотограф и запечатлел нас четырех, т.е. меня, Залогу, коня и собаку, на снимке, который я и подарил Жизефу.

После Залоги у меня было еще три деньщика. Все они более или менее походили на Жизефа, распоряжались моим имуществом и деньгами, ссорились со мной когда я тратил больше "трюхи" на поездку в город, но несмотря на это,оставались моими друзьями.

Когда я стал женихом и не хотел, чтобы об этом знали товарищи, то единственный человек, посвященный в эту тайну, был мой деньщик.

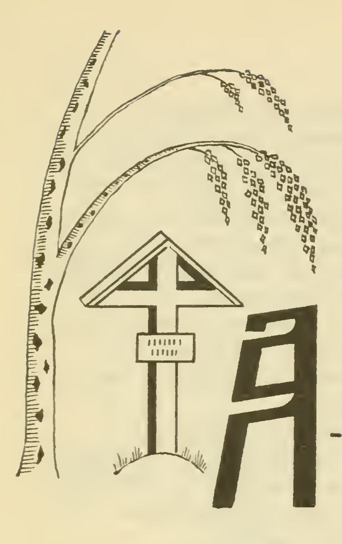
Заявив, что нам теперь придется нанять более дорогую квартиру и обзавестись мебелью, он с еще большим усердием и скупостью "ховал" деньги, отказывая мне иногда даже в "трюхе".

На войне мой деньщик спас меня от плена, вытащив меня, раненого, из полевого госпиталя, окруженного прорвавшимися в наш тыл немцами. А после революции мой последний деньщик не захотел расстаться со мной и сопровождал меня во всех скитаниях до 1921 года.

Милые мои Жизефы, с которыми я прожил душа в душу тринадцать лет в рядах русской армии ! Вспоминаю вас не как верных слуг, а как друзей и товарищей, от которых у меня не было никаких тайн и на которых я мог всегда и во всем положиться.

И я уверен в том, что все кадровые офицеры нашей армии имели таких-же верных и преданных деньщиков, как мои "Жизефы", и сохранили о них такие-же теплые и хорошие воспоминания.

-+++++++++++++-

ЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

ВРАНГЕЛЬ барон, Петр Ник.,ротмистр л.гв.Конного п. впосл.ген.лейт.,главноком.вооруж.силами Юга России. /"Каушенский бой"./

ГАДОН, свиты его велич.ген.майор, командир л.гв. Преображенского п./"Всевидящее око"./

ГЕЙЧЕНКО Степан Ив.,подпрапорщик, сверхср.вахмистр л.гв.Конногренадерского п./"Старики","Полковой праздник","Эскадронный праздник","Верблюда"./

ГЕННИНГС, ген.лейт.,начальник 2-й Сибирской див. /"Ошибка ген.Войрша"./

ГИЛЛЕНШМИДТ Яков Фед.,ген.лейт.,начальник 2-й гв. кав.див./"Ошибка ген.Войрша"./

ГРИММ,шт.ротм.л.гв.Драгун.п./"Ошибка ген.Войрша."/

ДАНИЛОВ Влад.Ник.,ген.ад.,командир Гвардейского корпуса./"Всевидящее око","Фальшивый кашевар."/

ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, великий князь,быв.командир л.гв.Конногренадерского п./"Полковой праздник"./

ДОЛГОРУКОВ князь, свиты его вел.ген.майор, командир Кавалергардского полка./"Каушенский бой"./

ЖИРАР де СУКАНТОН, свиты его вел.ген.майор, команд. 1-й бригады 2-й гв.кав.див./"Всевидящее око","Верблюда"./

ЗАДОРОЖНЫЙ Семен Ив.,подпрапорщик, сверхср.вахмистр л.гв.Конногренадерского п./"Фальшивый кашевар"./

ИПАТЬЕВ В.Н., ген.лейт.,профессор Михайлов.арт.акад. Член Академии Наук. /"Чукчи"./

ИРМАН, ген.от инф., командир 3-го Кавк.корп./"Ошибка генерала Войрша"./

ИСАРЛОВ Иосиф Лукич, полковник л.гв.Конногренадерского п. /"Всевидящее око."/

КАУЛЬБАРС барон, шт.ротмистр л.гв.Уланского п.,убит под Каушеном 6-го авг.1914 г./"Каушенский бой"./

КАУФМАН ТУРКЕСТАНСКИЙ, ген.майор, начальник Уральской каз.дивизии. /"Ошибка ген.Войрша."/

КИРПИЧЕВ, полковник, командир 2-й батареи Гв.Конн. Артил.бригады./"Верблюда","Каушенский бой"./

КНЯЖЕВИЧ, свиты его вел.ген.майор, командир л.гв. Уланского полка./"Каушенский бой"/.

КОВАЛЕВСКИЙ, сверхсрочный полковой кузнец./"Старики".

КОЛЛОНИУС, шт.ротмистр л.гв.Конногренадерского полка, убит под Петроковом 20-го ноя.1914 г./"Ошибка генерала Войрша."/

КРАМАРЕВ Иван Иванов.,ротмистр л.гв.Конногренадерск. полка./"Каушенский бой"./

КРУЗЕНШТЕРН фон Альфред Фед.,полковник л.гв.Конно - гренадерского п./"Верблюда"./

ЛАЙМИНГ 1-й Александр Павл.,поручик л.гв.Конногренадерского полка./"Фальшивый кашевар"./

ЛАЙМИНГ 2-й Георгий Павл.,поручик л.гв.Конногренадерского п./"Ошибка ген.Войрша"./

ЛИЦМАН, немецкий генерал./"Ошибка ген.Войрша"./

ЛОМАЧЕВСКИЙ Ал.Ал., ген.от кав./"Полковой праздник"./

ЛОПУХИН Димитрий Александр., ген.майор, командир л. гв.Конногренадерского полка,сконч.от ран,получ.под Петроковом 20-го ноя.1914 г./"Немецкий мед","Каушенский бой","Ошибка ген.Войрша"./

ЛОПУХИН Николай Дим.,корнет л.гв.Конногренадерского полка, убит под Каушеном 6-го авг.1914 г./"Каушенский бой"./

МАКСИМОВИЧ ген.ад.,наказной атаман Войска Донского. /"Полковой праздник"./

МАЛАХОВСКИЙ отец Виктор, священник л.гв.Конногренадерского полка./"Немецкий мед","Ошибка ген.Войрша"./

МАСЛЕННИКОВ Кирилл Яковл.,подпрапорщик,сверхср.вахмистр л.гв.Конногрен.п./"Старики","Полковой праздн"/

МАСЛОВ, полковн.л.гв.Уланского п./"Каушенский бой"./

МАСЯГИН Максим Дм.,сверхср.обозный унт.оф./"Старики"/

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ,великий князь, генерал фельдмарш., Шеф л.гв.Конногренадерского п./"Полковой праздник"./

НАВРОЦКИЙ Лев Мих.,полковник л.гв.Конногренадерского полка./"Немецкий мед"./

НАХИЧЕВАНСКИЙ ХАН, ген.ад., командир кавалерийского корпуса./"Верблюда","Каушенский бой"./

НЕКРАСОВ, свиты его вел.ген.майор, командир л.гв. Павловского полка./"Всевидящее око"/.

НИКОЛАЙ 2-й АЛЕКСАНДРОВИЧ, Император Всероссийский. /"Всевидящее око","Праздник храбрых","Полков.праздн"/

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, великий князь, главноком.Петербургским воен.окр.,впосл.Верховный главноком./"Все - видящее око","Праздник храбрых","Фальшивый кашевар", "Полковой праздник","Ошибка ген.Войрша"./

НОВИКОВ, ген.лейт. командир кавал.корп./"Ошибка ген. Войрша"./

НОЛЬКЕН барон, Капитан ген.штаба./"Немецкий мед"./

ОБОЛЕНСКИЙ князь, флигель ад.,полковник л.гв.Прео - браженского полка./"Всевидящее око"./

ОЗЕРОВ, свиты его вел.ген.майор,начальник 1-й гвард. пех.див./"Всевидящее око"/.

ОКУНЕВ, корнет л.гв.Конногренадерского полка,убит под Петроковом 20-го ноя.1914 г./"Ошибка ген.Войрша"/

ПЕТРЖКЕВИЧ Александр Карл.,ротмистр л.гв.Конногренадерского п.,сконч.от ран,получ.под Петроковом 20-го ноября 1914 г./"Ошибка ген.Войрша"./

ПИГАРЕВСКИЙ, сверхсрочный закройщик./"Старики"./

ПЛЕВЕ фон, ген.от кав., командующий 5-й армией. /"Ошибка генерала Войрша"./

ПОПОВ Николай Викт., поручик л.гв.Конногренадерск. полка. /"Немецкий мед","Каушенский бой"./

РАУХ, ген.лейт., начальник 2-й гвард.кавалер.див. /"Немецкий мед","Каушенский бой"./

РЕННЕНКАМПФ, ген.ад., командующий 1-й армией./"Ошибка ген.Войрша"./

РЕРБЕРГ, инженер-генерал./"Праздник храбрых"./

РИОТТО, полковой капельмейстер./"Полковой праздник"/

РООП Владим.Христоф., свиты его вел.ген.майор, командир л.гв.Конногренадерского полка./"Всевидящее око", "Фальшивый кашевар"./

СИНЕГУБКИН, сверхсрочный каптенармус л.гв.Конногрен. полка./"Старики","Полковой праздник"./

СКОРОПАДСКИЙ, свиты его вел.ген.майор, командир л.гв. Конного полка, впосл.Гетман Украины./"Каущенский бой"/

СТЕФАНОВИЧ Лев Плат.,фл.ад.,полковник л.гв.Конногренадерского п./"Немецкий мед"./

ШЕЙДЕМАН, ген.от инф., командующий 2-й армией. /"Ошибка ген.Войрша"./

ЭРИСТОВ князь, полковник, командир 1-й батареи Гв. Конно Арт.бригады./"Каушенский бой"./

ЮРЛОВ Ник.Ник., ген.майор, профессор Михайловской артил.академии./"Чукчи"/

ЯБЛОЧКОВ, ген.майор, командир л.гв.Егерского полка. /"Всевидящее око"./

-++++++++++++-

О Г Л А В Л Е Н И Е.

-+++++++++-

LUX
LIBERTAS